

Виктор Голявкин Избранное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=602575

*Избранное. Повести и рассказы / Виктор Голявкин: АСТ, Астрель; Москва; 2002
ISBN 5-17-015760-6, 5-271-05156-0*

Аннотация

В данный том замечательного детского писателя Виктора Владимировича Голявкина (1929–2001) вошли повести: «Мой добрый папа», «Полосы на окнах», «Рисунки на асфальте», «Этот мальчик» и другие, а также большое количество веселых коротких рассказов. Предисловие написано женой писателя Людмилой Леонидовной Бубновой.

Содержание

Предисловие	4
Повести	7
Мой добрый папа	7
1. Я не хочу обедать	7
2. Соседи	10
3. На балконе	12
4. Мой папа идет дирижировать	12
5. Папа там, а мы здесь	14
6. Воскресенье	15
7. Мой папа пишет музыку	17
8. Олимпиада Васильевна и дядя Гоша	18
9. Старик Ливерпуль и папа	21
10. На дачу!	22
11. На даче	23
12. Мой папа и Алеша	24
13. Очень маленькая глава	25
14. Еще одна маленькая глава	26
15. Домой	26
16. До свидания, папа!	27
17. Папы нету	27
18. Я вижу папу	28
19. Обратю домой	30
20. В кино	32
21. Про отцов и про нас	33
22. Двойка	34
23. Два письма	35
24. До свидания, дядя Али	36
25. На крыше	36
26. Бетховен! Бах! Моцарт!	39
27. Олимпиада Васильевна и мама	39
28. Я встречаю дядю Гошу	41
29. Карнавал	42
30. 1 января	44
31. Последняя глава (Через пять лет)	45
Полосы на окнах	46
1. Затемнение	46
2. Герои	48
3. Звездочка	51
4. Оружие	54
5. Патрон	61
6. Огонь!	69
7. Поручение	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Виктор Голявкин

Избранное. Повести и рассказы

Предисловие Солнца луч

В последний день лета 1929 года в городе Баку родился Виктор Владимирович Голявкин. Рождение человека всегда трудное дело, его маме Любови Николаевне было уже 37 лет, теперь бы сказали: поздний ребенок. Раз появился на свет, значит, твое появление на свет Богу угодно.

Отец Владимир Сергеевич был преподавателем музыки, поэтому в доме всегда звучала музыка, и сыновей (у Виктора было два младших брата) учили музыке.

Но однажды Витя нарисовал карикатуры на гостей, которые приходили к ним музицировать. Тогда отец купил книгу о живописи и о художниках. Виктор прочитывал все книги об изобразительном искусстве, которые в то время удавалось найти, и постоянно сам рисовал. Мальчик увлекся миром разноцветных живописных образов и решил стать художником. «Если быть художником – только великим... Не великим художником быть не стоит...» – так написано в одной из его повестей.

Виктору было всего 12 лет, когда началась Великая Отечественная война. Его папа сразу ушел на фронт. Виктор остался старшим мужчиной в семье. Он рисовал карикатуры на Гитлера и на фашистов. Рисунки его были выразительны и интересны. Иногда их печатали в «Боевом листке» городской газеты. Баку во время войны был окружен, и его отчаянно защищали от врага, который настойчиво рвался к бакинской нефти.

«Хлеб по карточкам на СЕГОДНЯ мы съели ПОЗАВЧЕРА, а хлеб на ЗАВТРА – ВЧЕРА. Дадут ли мне на ПОСЛЕЗАВТРА? На левой ладони вчерашний номер очереди, а на правой – сегодняшний... чтобы очередь не потерять». Таковы личные воспоминания, и они вошли в повесть «Полосы на окнах».

Но повести Голявкин напишет позже, когда станет писателем, пока он рисует и... занимается спортом: вступает в секцию бокса общества «Спартак». В 1947 году он участвует в соревнованиях на первенство Баку и завоевывает второе место.

Но желание стать художником пересиливает остальные увлечения подростка. Значит, надо учиться, придется уехать из дома, из родного города, ведь в Баку в то время не было подходящего учебного заведения.

Виктор уезжает в Самарканд, где поступает в художественное училище. В своем дневнике он писал: «У меня к нему уважение. И почтение. Он помог мне. Хорошо меня принял. Город очень старый. Много видел. Много перенес... Такого синего неба нет нигде. Минареты сверкают лазурью. Блестят купола разноцветные. Оранжевое с синим звучит. Зеленые кроны свисают. Как мозаика, солнечные пятна на земле. Чалмы и халаты плывут перед глазами. Там люди пьют чай у спокойных прудов... Там всегда мелодия в воздухе. Или очень тихо. Самарканд шумел много лет назад. Сейчас он старый... Люди ходят тихо, не кричат. Там полная гармония...»

Вскоре училище переводят в Ташкент, а затем в Сталинабад (сейчас Душанбе). Будущий художник узнает жизнь и искусство Востока, это его очень обогащает.

После солнечных ярких городов Азии Ленинград, когда Голявкин поступил в Академию художеств, представлялся ему «...зимой ужасным: ночь беспрерывная. Днем и ночью темно на улице... Не глядит свет в окна. Мрак глядит. Небо серое, холодное, темное, хмурое,

злое, застывшее нависло над городом давящим потолком... Взглянешь на небо – тоскливо и скучно... Улицы ровные, пересекаются... у Ленинграда холодная красота...».

Ленинград в то время привлекает его своими музеями и памятниками искусства. Весь город построен в западноевропейском стиле. Этот стиль нравится ему отзывчивостью на события человеческой жизни.

В Ленинграде и люди казались суровыми. Еще совсем недавно ленинградцы пережили ужасную блокаду. Они выстояли и победили. Голявкину хотелось развеселить серьезных ленинградцев. Одновременно с яркими живописными работами он пишет короткие веселые рассказы для детей. Их стали печатать сначала в журналах «Костер» и «Мурзилка». В 1959 году, когда Голявкину было уже тридцать лет, вышла первая книжка рассказов для детей «Тетрадки под дождем».

Особенностью рассказов Голявкина является то, что они короткие и очень короткие. И обязательно с доброжелательным юмором. Это нечасто встречающаяся в литературе особенность – краткость. Такой емкий краткий стиль требует особого писательского мастерства, которым Голявкин владел, как никто другой. «Никаким иностранным языком я не владею, и русский-то знаю не лучше других. Но я владею языком ХУДОЖЕСТВЕННЫМ», – говорил писатель. Герои его рассказов в любой ситуации хоть и смешные, но всегда деятельные и обаятельные.

Война, которая пришлась на детство писателя, незабываемо врезалась в память. Опираясь на собственный опыт и наблюдения, он написал три повести, которые называл «трилогией о военном детстве» – «Мой добрый папа», «Полосы на окнах» и «Рисунки на асфальте».

Первая повесть начинается словами: «Моему отцу посвящается».

Но это произведение писатель посвятил всем добрым папам, которые в тяжелейшей войне отстояли свободу и независимость Родины. Печальная повесть. Папа погиб на фронте и никогда не вернется домой. Печаль обо всех не пришедших с войны солдатах. Простое повествование от лица маленького мальчика было редким в шестидесятые годы XX века. Новым словом в литературе для детей. В повести «Полосы на окнах» действуют те же герои, но идет самостоятельная жизнь в отсутствии папы. Мы видим, каким жестким становится во время войны мир детства, с каким невероятным напряжением приходится детям выживать. До того тяготит их тыловая обстановка, что мечтается: «Как бы, думаю, слово „война“ переделать... старался, старался, бросил эту затею, война войной остается...» Сразу после войны, от которой остаются тяжелые воспоминания, дети учатся рисовать. Об этом написана прекрасная повесть «Рисунки на асфальте». Трудно найти в литературе такое небольшое по объему, но насыщенное чувствами и добротой произведение.

Впечатления жизни писатель выражает и в несметном количестве юмористических рассказов для детей и взрослых. Ребятам старших классов может быть интересен и роман Голявкина «Арфа и бокс».

Писатель подлинные эпизоды жизни превращает в искусство. Мысль, сконцентрированная в словах, делает самые простые слова образными, метафорическими, создается так называемый «подтекст», что дает сильный толчок читательскому воображению.

А живопись? Любимая живопись, которую Голявкин считал «первой из искусств»? Виктор Владимирович любил ее всегда. И был подлинным живописцем. Он писал композиции на холстах красками. Больших программных полотен – развернутых сцен, подобно объемному роману – он не писал. Но небольшие, камерные холсты писал всю жизнь. Его живописные композиции притягивают взгляд неожиданной пластикой мазков, смелостью цветовых сочетаний. Всегда в картине есть живописный центр – главное красочное пятно, которое «держит» всю композицию. Мрачных образов в живописи он не признавал. Его композиции жизнерадостны. «Люблю красный цвет», – говорил Голявкин. Любил и умел вписать красный цвет в общую композицию очень гармонично.

Любимое Каспийское море он писал изумрудно-зеленым. Я думала, что он фантазирует. Потом увидела: оно в самом деле такое красивое. Волны с белой пеной катят к берегу в четыре вала.

Он всегда находил необычный ракурс – угол зрения – для изображения моря, солнца. Еще в студенческие годы он собрал группу студентов-живописцев и повез их на этюды на Каспий, на Нефтяные Камни – город на сваях, эстакадах, посреди Каспийского моря, где добывают нефть. Друзья были в восторге от моря, работали дотемна, писали солнце. Вставали в пять утра и шли с этюдниками, зонтами и мольбертами встречать восход над морем. Днем писали раскаленный воздух, вечером – красное закатное солнце над горизонтом, писали бури, штили. В поисках необычного ракурса лазали на нефтяную вышку на самый верх и писали змеи-эстакады, расходящиеся во все стороны золотистыми дорожками, морскую ширь без горизонта...

С трудом установили наверху зонты от солнца. Неожиданно начался шторм. Зонт вдруг раскрылся и так рванул в сторону, что художник чуть не вылетел с пятидесятиметровой высоты. – Витька! Держи зонт!

Вдвоем кое-как прикрепили зонт к перекрытиям. Все же их было двое. Голявкин спускался с вышки по железной лесенке. Нога соскользнула с перекладины. Но другой ногой он успел зацепиться за арматуру и повис над бездной моря на высоте десятков метров. Этюдник с еще незаконченной картиной и сложенный зонт сильно тянули вниз. Но из рук ничего нельзя было выпустить ни за что, железная перекладина режет мышцу, нога сильно болит, слабеет, сейчас не выдержит... но это происшествие не закончилось трагедией.

Зато этюд-картина – море без горизонта с бесконечными линиями эстакад, написанная на нефтяной вышке, сразу попала на Всемирную выставку в Москве. Здесь таких Нефтяных Камней тогда еще никто не видал.

Особое обаяние жизни присуще произведениям Виктора Владимировича Голявкина. Талантливый щедрый автор вливает добрую энергию в душу читателя и зрителя, будто «льется солнца луч на голову мне...», как написано в одном из его коротких рассказов. Читайте, и на вас прольется этот солнца луч.

Л. Бубнова
2002 г.

Повести

Моему отцу посвящается

Мой добрый папа

1. Я не хочу обедать

Я никогда не хочу обедать. Мне так хорошо во дворе играть! Я всю жизнь бы во дворе играл. И никогда не обедал бы. Я совсем не люблю борщ с капустой. И вообще я суп не люблю. И кашу я не люблю. И котлеты я тоже не очень люблю. Я люблю абрикосы. Вы ели абрикосы? Я так люблю абрикосы! Но вот мама зовет меня есть борщ, мне приходится все бросать: недостроенный дом из песка и Раиса, Расима, Рамиса, Рафиса – моих друзей, братьев Измайловых. Мой брат Боба любит борщ. Он смеется, когда ест борщ, а я морщусь. Он вообще всегда смеется и тычет себе ложкой в нос вместо рта, потому что ему три года. Нет, борщ все-таки я могу съесть. И котлеты я тоже съедаю. Виноград-то я ем с удовольствием! Тогда и сажают меня за рояль. Пожалуй, я съел бы еще раз борщ. Только бы не играть на рояле.

– Ах, Клементи, Клементи, – говорит мама. – Счастье играть Клементи!

– Клементи, Клементи! – говорит папа. – Прекрасная сонатина Клементи! Я в детстве играл сонатину Клементи.

Папа мой музыкант. Он даже сам сочиняет музыку. Зато раньше он был военный. Он был командиром конников. Он скакал на коне совсем рядом с Чапаевым. Он носил папаху со звездой. Я видел папину шашку. Она здесь у нас в сундуке. Эта шашка такая огромная! И такая тяжелая! Ее даже трудно в руках держать, не то что махать во все стороны. Эх, был бы папа военный! Весь в ремнях. Кобура на боку. На другом боку шашка. Звезда на фуражке.

Папа ездил бы на коне. А я шел бы с ним рядом. Все мне бы завидовали! Вон смотрите, какой Петин папа.

Но папа любит Клементи.

А я не люблю. Я люблю строить дом из песка, и друзей люблю, четырех братьев: Расима, Рафиса, Раиса, Рамиса. Что мне Клементи!

Я играю. И спрашиваю:

– Не хватит?

– Играй еще, – говорит мама.

– Играй, играй, – говорит папа.

Я играю, а брат сидит на полу и смеется. В руках у него заводная машина. Он оторвал от машины колеса. И катает их по полу. И это ему очень нравится. Никто ему не мешает. Не заставляет играть на рояле. И потому ему очень весело. Плачет он очень редко. Когда у него что-нибудь отнимают. Или когда его стригут. Он совершенно не любит стричься. Он так и ходил бы всю жизнь лохматый. На это он не обращает внимания. В общем, ему хорошо, а мне плохо.

Папа с мамой слушают, как я играю. Брат катает по полу колесики. За окном кричат четыре брата. Они кричат разными голосами. Я вижу в окно: они машут руками. Они зовут меня. Им одним скучно.

– Ну все, – говорю я, – все сыграл.

– Еще разик, – просит папа.

– Больше не буду, – говорю я.

– Ну пожалуйста, – говорит мама.

– Не буду, – говорю я, – не буду!

– Ты смотри мне! – говорит папа.

Я пробую встать. Убираю ноты.

– Я сотру тебя в порошок! – кричит папа.

– Не надо так, – говорит мама.

Папа волнуется:

– Я учился... я играл в день по пять-шесть часов, сразу после гражданской войны. Я трудился! А он?... Я его в порошок сотру!

Но я-то знал! Он меня не сотрет в порошок. Он так всегда говорит, когда злится. Он даже маме так говорит. Как может он нас в порошок стереть? Тем более что он наш папа.

– Не буду играть, – говорю я, – и все!

– Посмотрим, – говорит папа.

– Пожалуйста, – говорю я.

– Посмотрим, – говорит папа.

В третий раз я играю Клементи.

Наконец-то меня отпускают! Мой брат Боба идет за мной. Он растерял все колесики. И ему теперь скучно.

На дворе меня ждут четыре брата. Они машут руками, кричат. Мой дом из песка разрушен. Весь труд мой пропал даром. И все из-за борща и Клементи! Дом разрушил Рафис – младший брат. Он плачет – братья его побили. Нечего делать! И я говорю:

– Ничего. Новый дом построим.

Я веду всех в магазин к дяде Гоше. Дядя Гоша – папин знакомый. Он нам все отпускает в долг. Он записывает на листке наш долг, а потом папа платит ему. Так хорошо! Папа так и сказал: отпускай им все. Что они захотят. Сколько им угодно.

Вот приходим мы в магазин. Дядя Гоша нам отпускает конфеты. Мы можем есть их, сколько хотим. Потом папа за все заплатит.

Раис говорит:

– Я уже все съел.

Мы опять идем к дяде Гоше. И набираем еще конфет.

Он говорит:

– Не много ли? Приходите еще.

– Непременно придем, – говорим мы.

Во дворе нас окружают ребята. Мы раздаем всем конфеты. Нам не хватает на всех конфет. Например, Керим без конфет. Маша Никонова и Сашок.

Мы опять идем к дяде Гоше.

– Пожалуйста, – просим мы, – извините. Но нам тут не хватило конфет. Что же делать? Мы очень расстроены. Нам нужно еще чуть-чуть конфет. Чтобы всем хватило.

– Зачем чуть-чуть! – говорит дядя Гоша. – Берите! И приходите еще.

Он дает нам конфет, и все довольны. Теперь всем ребятам хватило конфет.

На улице стало уже темнеть. Фонари зажглись. Скоро небо все будет в звездах. Такое в нашем городе небо. Наш город самый красивый. Хотя я не был в других городах. В нашем городе есть бульвар. Там море, корабли и лодки. И виден остров вдали. И нефтяные вышки в море. Я пошел бы сейчас на бульвар, но вы слышите? Мама зовет нас на ужин.

И я иду ужинать. Так целый день. Целый день должен я есть!

Я съел ужин, но это не все. Меня снова ведут к роялю. Папы нет дома, и я говорю:

– С меня хватит.

– Вот отсюда начни, – просит мама, – вот с этой строчки.

– Хватит с меня, – говорю я, – и все!

– Будем ждать папу, – говорит мама.

Приходит папа. Он весел. Он держит два больших ящика. В этих ящиках мандарины.

– В июне и вдруг мандарины?!

– С трудом достал, – говорит папа. Он открывает ящики.

– А ну! Налетайте, ребятки! Хватайте!

Мы налетаем, хватаем, смеемся. Папа смеется вместе с нами. Ест мандарины. И говорит:

– Позовите всех.

Я зову братьев Раиса, Рафиса, Расима, Рамиса.

И мы угощаем их мандаринами. И ящики быстро пустеют.

Потом братья уходят. И мама уносит пустые ящики. И говорит папе:

– Как с деньгами? Сумеет ли мы все же съездить на дачу? Хотелось бы. Лето уже проходит.

Я вижу, папа задумался. Он говорит:

– Может, мы сумеем. Но может быть, и не сумеем. Но если мы даже и не поедим, то не беда – жизнь и так прекрасна!

Но я-то знаю. На даче прекрасней. Там нет рояля. Там гранаты, айва, виноград, инжир... Там море без конца и края. Я так люблю купаться в море! Я так хочу на дачу! Там рядом станция. Там гудят паровозы. Там проходят разные поезда. А когда машешь им вслед – тебе тоже машут из окон вагонов. И еще там горячий песок, утки, курицы, мельницы, ослики...

Потом я засыпаю на стуле.

Сквозь сон слышу я голоса, все про дачу, про море, про лето...

А утром я просыпаюсь в кровати.

2. Соседи

Фатъма Ханум – это тетя Фатъма, мама братьев Рамиса, Рафиса, Расима, Раиса. Как видит меня, каждый раз говорит: «Ах, Петька, Петька, совсем большой!» Она помнит, когда я был маленький. И теперь удивляется, что я большой. Разве можно так удивляться! Я ведь рос постепенно. Вот и сейчас, вышел я в коридор, а она говорит:

- Очень быстро растешь!
- Все растут одинаково, – говорю я.
- Расти, расти, – говорит она.
- Вас мама ждет, – соврал я.

Мама любит беседовать с Фатъмой Ханум. А Фатъма Ханум – с моей мамой. Они могут беседовать часами.

- Тетя Фатъма, пойдете к нам!

В который раз мама рассказывает! О том, как я потерялся. Они смеются. Но я не смеюсь. Что мне смеяться! Я это много раз слышал. Раз сто или двести. Очень странные взрослые люди! Рассказывают одно и то же. Разве со мной так бывает? Каждый день у меня куча новостей. Что мне вспоминать старое? Когда кругом одни новости!

Я слышу их разговор.

Мама. Помню, он у меня родился, у него глаза были синие. А потом они стали совсем не синие. Какие-то серые. Так обидно! Вот ведь как бывает!

Фатъма Ханум. Быстро растет...

Мама. Да, да, да, вот я и говорю... А когда он был маленьким, он был маленьким – вот таким... он тогда отправился гулять, он открыл сам дверь, вышел на улицу, он прошел весь город, вот так наискосок весь город, и остановился в скверике; как сейчас помню, была суббота, играл оркестр и под оркестр плясали взрослые. Ему понравилось! Он стал вместе со всеми плясать, его и нашли в таком виде – руки в боки и пляшет!

Фатъма Ханум. Очень веселый ребенок!

Мама. Горе мне с ним.

Фатъма Ханум. У меня четыре.

Мама. Я и забыла!

Они смеются. Но я не смеюсь. Ничего нет смешного.

Тетя Фатъма говорит мне:

- А ну расскажи, как ты там танцевал?
- Я маленький был, – говорю, – и не помню.
- Очень быстро растешь, – говорит она.
- Сыграй-ка Клементи, – просит мама.

Но я не хочу играть Клементи.

– Твой папа учился, – говорит мама. – Сразу после гражданской войны... Он играл по семь-восемь часов...

- Это я знаю, – говорю я.
  - Ну хорошо, – говорит мама, – ну хорошо, тогда спой Фатъме песню.
- Мама играет, а я пою:

Солнышко ясное,
Наша жизнь прекрасная!

Я пою с удовольствием. Я ору.

- Подожди, подожди! – кричит мама. – Сначала начнем, три... четыре!

Солнышко ясное,
Наша жизнь прекрасная!

Я пою во все горло.

– Нельзя ли потише? – просит мама. – Я даже не слышу рояля.

– Конечно можно, – говорю я, – но тогда какой смысл?

– Сначала, сначала! – кричит мама. – Нас ждет Фатьма!

Хорошо, что в дверь постучали. Это старик Ливерпуль. Я сразу узнал. Только он так стучится. Он, когда пьяный, стучит тихо-тихо. Почти что не слышно.

Он крутит перед лицом руками. Как будто делает мельницу.

– А где Володя? – говорит он.

– Он не пришел еще, – говорит мама.

– Он мне страшно нужен...

– Но его нет.

– Я хотел угостить его...

– Вы же знаете, он не пьет.

– Я знаю, но вдруг... он ведь мой сосед... он мне страшно нужен...

– Ливерпуль, Ливерпуль, – вздыхает мама.

– Здравсьте! – говорит он Фатьме Ханум.

– Здравствуйте, – говорю я.

– Здравствуй, старик, – говорит он мне.

– Я не старик, – обижаюсь я.

– Это неважно, – говорит он.

– Как же неважно? – говорю я.

– Извините, – говорит он.

– Пожалуйста, – говорит мама.

– Я должен вам денег, – говорит он, – не могли бы вы мне одолжить еще?

Мама дает ему бумажку.

– Я вам верну, – говорит Ливерпуль.

– Конечно, конечно, – говорит мама.

И старик Ливерпуль уходит.

У Ливерпуля тонюсенький детский голос, бородка крючком и лысая голова. Это мама прозвала его Ливерпулем, хотя он имел другое имя. Он, кажется, был из Перу, каким-то случаем попал в Россию и навсегда остался здесь жить.

Не люблю я, когда он пьяный. Он тогда машет руками, качается. Словно вот-вот упадет. Стариком вдруг назвал меня. Вот еще новость!

Мама беседует с Фатьмой Ханум. Я смотрю в окно. Вижу брата. Он строит дом из песка.

– Что ты торчишь тут? – говорит мама.

– Так, ничего, – отвечаю я.

Я жду папу. Вот сейчас выйдет он из-за угла. У него полные руки гостинцев. Чего только нет там! И мандарины, большие оранжевые мандарины!

А папы все нету. Всегда так. Всегда его нету, когда я его жду. Но стоит мне отойти от окна – он появится.

3. На балконе

Я иду на балкон. Вижу девочку с бантом. Она живет вон в том парадном. Ей можно свистнуть. Она глянет вверх. И увидит меня. Это мне и нужно. «Привет, – скажу я, – тра-ля-ля-ля, три-ли-ли!» Она скажет: «Дурак!» – или что-то другое. И дальше пойдет. Как ни в чем не бывало. Как будто бы я не дразнил ее. Тоже мне! Что мне бант! Будто я ее жду! Я жду папу. Он мне принесет гостинцев. Он будет рассказывать мне про войну. И про разное старое время. Папа знает столько историй! Никто лучше не может рассказывать. Я все слушал и слушал бы!

Папа знает про все на свете. Но иногда он не хочет рассказывать. Он тогда грустный и говорит: «Нет, не то написал я, не то, не ту музыку... Но ты-то! – Это он мне говорит. – Ты-то уж не подведешь, я надеюсь?» Мне не хочется папу обидеть. Он мечтает, чтоб я композитором стал. Я молчу. Что мне музыка? Он понимает. «Это печально, – говорит он. – Ты даже представить себе не можешь, как печально!» Почему печально, когда мне совсем не печально? Ведь папа мне не желает плохого. Тогда почему так? «Кем ты будешь?» – говорит он. «Полководцем», – говорю я. «Опять война?» – папа мой недоволен. А сам воевал. Сам скакал на коне, стрелял из пулемета...

Папа мой очень добрый. Мы с братом однажды сказали папе: «Купи нам мороженое. Но побольше. Чтобы мы наелись». – «Вот тебе таз, – сказал папа, – беги за мороженым». Мама сказала: «Они ведь простудятся!» – «Сейчас лето, – ответил папа, – с чего бы им простудиться!» – «Но горло, горло!» – сказала мама. Папа сказал: «У всех горло. Однако мороженое все едят». – «Но не в таком количестве!» – сказала мама. «Пусть едят, сколько хотят. При чем тут количество! Больше они не съедят, чем смогут!» Так сказал папа. И мы взяли таз и пошли за мороженым. И принесли целый таз. Мы поставили таз на стол. Из окон светило солнце. Мороженое стало таять. Папа сказал: «Вот что значит лето!», велел нам взять ложки и сесть за стол. Мы все сели за стол – я, мама, папа, Боба. Мы с Бобой были в восторге! Мороженое течет по лицу, по рубашкам. У нас такой добрый папа! Он столько купил нам мороженого! Теперь нам не скоро захочется...

Двадцать деревьев посадил папа на нашей улице. Сейчас они выросли. Огромное дерево перед балконом. Если я потянусь, я достану ветку.

Я жду папу. Сейчас он появится. Мне трудно глядеть сквозь ветки. Они закрывают улицу. Но я нагибаюсь и вижу всю улицу.

4. Мой папа идет дирижировать

Я слышу в комнате папин голос. Он дома, а я все торчу на балконе!

А на столе-то! Печенье, два торта, две банки компота, замечательная любительская колбаса, ветчина и яблоки, еще какие-то коробки и другие вкусные вещи. Просто целый магазин!

– Вот так да! – говорю. – Как ты здесь очутился?

– Отстань от отца, – говорит мне мама, – он сегодня идет дирижировать.

Я видел однажды, как он дирижировал. Папа тогда взял меня с собой. Я сидел в большом зале. Все глядели на сцену. Там на сцене был папа. Он стоял спиной к залу, лицом к оркестру. И кругом было тихо-тихо. Потом папа взмахнул вверх руками – и весь оркестр как грянет! Я даже вздрогнул. Я глядел на люстры, на всех людей. Я вертел головой и все время вставал. «Что ты скачешь?» – сказали мне. „Я не скачу“, – сказал я. Меня вывели силой из зала. „Я с папой, – сказал я, – он там дирижирует“. – „А ты не врешь?“ – „Что мне врать, – сказал я, – там мой папа“. Меня привели прямо к папе. Спросили: „Ваш сын?“ Мой папа

был мокрый от пота. И волосы папины были мокрые. Я смотрел на него и не мог понять: почему папа мокрый? Папа снял пиджак. Вся рубашка была тоже мокрой. Как будто его водой облили. Он сказал: „Вот какая работа...“ Я был так удивлен, что не знал, что ответить. Все время твердил: „Пошли... пошли...“ – и тянул папу за руку.

Громко плачет сейчас мой брат Боба. Он хочет, чтоб папа его взял с собой. Но папа его брать не хочет. Папа уже брал меня. С него хватит.

Папа. Я сегодня иду дирижировать!

Мама. Да, но эти заплатки...

Папа. Какие заплатки?

Мама. Ты забыл? Твои брюки с заплатками.

Папа. Я ведь стою спиной к людям!

Мама. Я ни при чем. Ты прекрасно знаешь! Помешанный на своих мандаринах! Всю зиму таскал ящики! Люди думают, ты сумасшедший!

Папа. Кто думает? Ты мне его покажи!

Мама. Все думают! Разве одни мандарины? Зачем два приемника? Два патефона?

Папа. Но их же двое? Пусть слушают музыку...

Мама. Очень им нужна твоя музыка!

Папа. Всем нужна музыка.

Мама. Но не в таком количестве!

Папа. Я ведь спешу... я сегодня иду дирижировать...

Мама. Ну так иди дирижируй!

Папа. Выходит, что я не могу дирижировать!

Мама. Хоть раз в жизни купил бы кастрюльку!

Папа. Зачем мне кастрюлька? Сама покупай!

Мама. А, значит, я виновата?.. С моим больным сердцем... с таким человеком... как можно!.. Дай, Петя, воды...

Я бегу за водой в кухню. Даю маме пить. Ей становится лучше.

Мама. Пусть все соседи скажут!

Папа. Я ведь иду дирижировать...

Мама. Пусть все соседи скажут!

Папа. Что скажут?

Мама. Пусть они скажут!

Папа вздыхает. Он говорит:

– Придется штаны одолжить у соседей.

Мама. Кто одолжит тебе свои штаны?

Папа. Ко мне все прекрасно относятся. Все, абсолютно все! Например, Ливерпуль... нет, лучше я пойду к Али, он ко мне неплохо относится...

Мама мне говорит:

– Петя, слышишь? Вот твой папаша! Не будь таким! Будь толковым. А то, вот точно так же, пойдешь в заплатках... куда-нибудь там... дирижировать...

Я говорю:

– Я никуда не пойду дирижировать.

– Еще неизвестно, – говорит мама.

Папа мой говорит:

– Пойдем, Петя, со мной за штанами.

Мы идем с папой к дяде Али. Дядя Али – это папа Измайлов. Он только что пришел с работы. Я видел его с балкона. Он даже мне улыбнулся. Конечно, он папе даст штаны. И папа пойдет дирижировать. Мне тоже нужно к дяде Али. Он обещал меня взять с собой,

показать мне вышки, как бурят нефть и фонтан нефтяной. Хотя, правда, фонтан – редкость. Но, кто знает, может быть, мне повезет.

5. Папа там, а мы здесь

Я, мама, Боба, старик Ливерпуль, дядя Али, Фатъма Ханум, Рафис, Расим, Раис, Рамис – все сидим у приемника. Сейчас папу объявят по радио. И заиграет оркестр. Хотя папу не будет видно, но мы-то знаем: он там на сцене; он дирижирует оркестром. Мы все думаем здесь о папе, а он думает там о нас. Хотя там ему некогда думать, но это ведь ничего не значит! Папа мой выступает по радио. Такого еще никогда не бывало!

– Долго ждать, – говорит Ливерпуль.

– Сейчас, сейчас, – волнуется мама.

– Молодец, Володя, – говорит Фатъма.

В какой раз мама рассказывает:

– Я и не думала, он звонит вдруг по телефону, так и так, говорит, только что я узнал, меня будут транслировать. Я кричу: «Что транслировать?» Он отвечает: «Меня транслировать». Я говорю: «Каким образом?» Он говорит: «По радио». А я все не пойму, ведь впервые... Когда поняла, так волновалась!

– За такого человека, как Володя, – говорит Ливерпуль, – я с удовольствием выпил бы. За него я готов всегда выпить.

– Опять все про то! – возмущается мама.

– Нет, за успех, – говорит Ливерпуль. – Я за успех... Я не просто так...

– Да прекратите вы, – говорит мама.

– Сейчас начнется!

– Нету там ничего, – говорит мой брат Боба.

– Там твой папа, – говорит мама.

– Где же папа, раз там его нет?

– Суета сует, – говорит Ливерпуль.

– Вы опять пьяный? – говорю я.

– Тебя не касается, – говорит он.

– Так-то так, – говорю, – но все же...

– Понимаешь, со мной бывает. Не то, чтобы каждый день. Но довольно часто. Я не скажу, что все это здорово. Наверное, даже плохо...

– Отвратительно! – говорит мама.

– ...но тут, брат, ничего не поделаешь. Тут такое, брат, дело. Привык я – и все тут! Ну, ты не поймешь...

– Понимать-то нечего! – говорит мама.

– ...в общем-то, скверная штука. А главное, что бесполезная. Толку от этого нету. Ну, совершенно нет толку. Нисколечко... Трудно сказать, зачем я это делаю. Но я это делаю. И никому не советую...

– Да прекратите вы! – говорит мама.

– ...ты, брат, не думай, что я несчастливый. Я видел свет, много разных людей, а теперь я здесь с вами... Твой отец плавал на шхуне «Мария»... Это шхуна была, я вам скажу! Таких шхун поискать на свете! Твой отец там плавал юнгой. До великих событий. Потом эти события – он на коня. Командир эскадрона! Как в сказке!..

– Замолчите вы! – кричит мама.

– Таких людей, – говорит Ливерпуль, – как твой отец, очень мало на свете.

– Что такое, – вдруг говорит Али, – шкала на Париже?

– О! Париж! – говорит Ливерпуль. – Я там не был...

– Почему шкала на Париже? – говорит дядя Али.
– О каком Париже вы говорите? – говорит мама.
– О самом французском, – говорит он.
– Ой, – кричит мама, – шкала на Париже! Приемник совсем на другой волне!
Мой брат Боба куда-то исчез. Конечно же, это его рук дело! Каждый крутит приемник.
Все ищут волну. Наконец-то! Мы слышим гром оркестра.
– Какая досада! – волнуется мама. – Володю уже объявили!
– Ура! – кричу я. – Ура!
– Уррра!! – кричат братья Измайловы.
– Какая досада, – говорит мама. – Как можно! Ведь самое главное! – Маме обидно.
Она ищет Бобу.
Боба лежит под кроватью. Он чувствует что-то неладное.
– А ну, выходи! – кричит мама. – Сейчас же!
Он не думает вылезать.
– Я жду! – кричит мама. – Давай вылезай!
– Оставьте его, – говорит Ливерпуль. Он подходит к кровати и спрашивает: – Ты вареные калоши не ел?
– Не ел... – отвечает Боба.
– Тарелки в суп не крошил?
– Не крошил...
– Затылком ничего не видел?
– Ничего не видел...
– Какой же он ненормальный?! Вы слышите? Дай ему бог здоровья!
– Ливерпуль, Ливерпуль, – говорит мама, – вы мне ребенка калечите.
Братья Измайловы поют песню. Под мощный гром оркестра.

6. Воскресенье

В стену к нам постучали Измайловы. Мы всегда стучим к ним, а они стучат к нам. Это наша связь.

Я бегу к ним узнать, в чем дело.

Рамис, Рафис, Расим, Раис – в белых рубашках, в панамках и в синих сандалиях. Дядя Али говорит:

– Как Володя? Не хочет ли он прогуляться с детьми? Такой вечер! Вот мы все готовы. Мой папа спал. Но он встал сейчас же.

– Да, да, да! – сказал он. – Немедленно! Мы идем прогуляться!

Это так неожиданно!

Я ищу свой костюмчик. Мой брат Боба плачет. Он сам не может одеться.

– В чем дело? – говорит мама.

– Скорей, – говорит папа, – вечер чудесный, Али ждет нас, дети ждут, я пойду умоюсь...

Мой папа идет умываться.

– Я не пойму, – говорит мама, – он же спал...

Папа мой одевается. Я одеваю Бобу.

– Сумасшедшие! – говорит мама.

Вот и тетя Фатьма. Она нас торопит. У них разговоры с мамой. Им гулять некогда. Им нужно договорить. Все кругом им мешают. Всегда не дают разговаривать.

Мы идем на бульвар всей компанией. У нас замечательная компания! Разве лучше бывают компании? Четыре моих лучших друга – все в белых рубашках и синих сандалиях. А я в красных сандалиях, а Боба в коричневых. Боба несет заводной паровоз, а Рафис вин-

товку. У него замечательная винтовка. Ее сделал дядя Али. Он все может сделать – стул, стол, табуретку... У нас в прошлом году была елка огромная. Мы стали ставить ее – ну никак! – елка все время падает. «Крест надо, – говорит папа, – где я возьму его?» Мы опять ставим елку в бочонок, а елка все время падает. Входит дядя Али, говорит: «У вас доски есть?» Мы говорим: «Какие доски?» – «Деревянные», – говорит он. Я принес две дощечки. А он говорит: «Толще есть?» Я говорю: «Толще есть». Он говорит: «Тащи их». Он берет доски: раз-два – и крест готов. Мы так удивились! Соседи у нас просто редкие. Мы к ним ходим. Они ходят к нам.

Папа учит музыке Раиса, Рамиса, а Расим, Рафис еще маленькие. А то их папа тоже учил бы.

Мы идем на бульвар всей компанией.

А на бульваре народу! Море как зеркало. Играет музыка. Папа держит меня крепко за руку, а я иду по барьеру. А за барьером море. Там катают на катере.

– Кто со мной? – говорит папа. Он идет первый на пристань.

Мы садимся в катер. Мотор тархтит, и мы едем. А я сажу с гармонистом. Он всю игру играет. И поет здорово:

Любимый город может спать спокойно...

Я тоже пою, поют братья Измайловы. Все поют.

С моря город наш весь в огнях. Будто фейерверк. Очень красиво!

Только жаль, мало катались.

– Еще хотим! – кричат братья Измайловы.

Катер подходит к пристани.

Брат мой Боба схватился за поручни. Еле-еле его оторвали.

Он идет и ревет на весь бульвар.

– Прекрати, – кричит папа. – Мне это не нравится!

Мы заходим в тир.

Папа с дядей Али стреляют. А нам не дают. Мы стоим, смотрим, даже не просим. Мы знаем, нельзя мешать, раз люди целятся.

– Все в десятку, – говорит папа.

Они снова целятся, а мы смотрим.

– А где Боба? – говорит папа.

Мы выбегаем из тира. Папа даже забыл свою премию. Возле тира толпа.

– Что случилось? – говорит папа.

– Да вот, мальчик тут потерялся. А где живет, не знает. То есть он номер дома помнит.

А улицу он забыл.

– Где этот мальчик?

Да разве увидишь здесь мальчика! В такой толпе!

Мы, конечно, его не видим. Зато мы слышим, как он говорит:

– Я забыл свою улицу...

Ну конечно же, это Боба!

Ему говорят:

– Вспоминай, мальчик, ведь важно.

– Сейчас, – говорит Боба, – вспомню...

Ему говорят:

– Ты не торопись. Вспоминай без волнения.

А он говорит:

– Я совсем не волнуюсь.

Ему говорят:

- Ты кушать хочешь?
- Хочу, – говорит Боба.
- Сыр хочешь?
- Сыр не хочу.
- А конфету?
- Конфету хочу.
- Тебя хорошо кормят?
- Плохо.
- Товарищи! Мальчика плохо кормят! Тебя очень плохо кормят?
- Очень.
- А чем тебя кормят?
- Всем.
- Значит, ты не бываешь голодным?
- Бываю.
- Как же ты бываешь голодным, если тебя всем кормят?
- А я не бываю голодным.
- Ты же сказал, бываешь.
- А я нарочно.
- Зачем же ты нас обманываешь?
- Просто так.
- Ты всех обманываешь?
- Всех.
- Зачем же ты это делаешь?
- Просто так.
- Смотрите какой! Просто жуть! Ну и ребенок!

Тогда папа сказал целую речь. Он сказал:

– Товарищи! Это мой сын. Он сбежал из тира. Давайте-ка мне его сюда! Я его отец. А болтает он здорово. Уж верно. Вы сами заметили. И где только он научился болтать! Просто диву даешься! Я вижу, он вам понравился. Но я вам его не оставлю. Раз уж он мой сын.

Тогда все расступились. Мой папа взял Бобу на плечи. Пожелал всем успехов в работе. И мы пошли домой.

А премия в тире осталась. Тут все на свете забудешь!

7. Мой папа пишет музыку

Наш папа сегодня дома. Сегодня он не идет в музыкальную школу, где он обычно преподает. Сегодня у папы свободный день. Сегодня он пишет музыку. В это время у нас дома тихо. Мы с мамой ходим на цыпочках. Брат мой Боба уходит к Измайловым.

Наш папа пишет музыку!

– Тру-ру-ру! – напевает папа. – Та-та! Та-та-та!

Это правда, я не люблю Клементи. Не очень люблю я музыку. Но когда папа за роялем, поет, играет и пишет ноты, – мне кажется, он сочиняет марш. Музыку я не люблю, это верно. Я люблю разные песни. Те, что поют солдаты. И марши люблю, что гремят на парадах. Если бы папа мой написал такой марш! Я был бы очень доволен. Я папу просил об этом. Он мне обещал. Может быть, он сейчас пишет марш для солдат? Может быть, я увижу когда-нибудь целый полк – все с винтовками, в касках, раз-два! – все шагают под громкий папин марш! Как было бы здорово!

– Ты пишешь марш? – говорю я папе.

- Марш? Какой марш?
- Самый военный, – говорю я.
- Убери его, – говорит папа.
- Марш отсюда! – говорит мама.

Я иду на балкон. Я вижу девочку с бантом. Подумаешь, бант! Папа мой пишет музыку!
Может быть, марш!

- Тру-ру-ру! – поет папа.
- Ага, слышит, наверное! Пусть она знает. Все делает вид, что не слышит!
- Трам-там! – стучит папа по крышке рояля.
- Это нельзя не услышать.
- Она поднимает голову. Но я смотрю в сторону. Пусть она знает!
- Бам! – папа стукнул по крышке рояля. С такой силой, что я даже вздрогнул.
- Бам!!! Бам!!! Бам!!! – он стучит кулаком по крышке.
- Ага! Ну, каково?

А она только бантом махнула.

Тогда я разозлился и крикнул:

- Эй, ты! Нечего здесь проходить! Слышишь! Нечего!

Расстроенный, я ушел с балкона. Я вижу, и папа расстроенный. Он сидит, подперев рукой щеку. Такой весь печальный.

- Мама на кухне, – говорит он.
- Зачем мне мама?
- Тогда как хочешь, – говорит он.
- Вот и мама. Она говорит:
- Брось ты это... Володя...
- Что бросить-то? – говорит папа.
- Эту твою... симфонию...
- Я же чувствую... тут вот не то... тут не то... а тут – то!
- Ну и брось, раз все не то...
- Не все не то...
- Все равно.
- Как это так все равно?!
- Я-то тут ни при чем? – говорит ему мама.
- Ты ни при чем, верно...
- И Петя ни при чем, и Боба.
- И Петя и Боба... – говорит папа.

Он смотрит на нас, а мы на него.

- Дайте мне отдохнуть, – просит папа.

Но ему не дают отдохнуть. К нам звонок. Это Олимпиада Васильевна. Со своим сыном Мишей. Папа будет с ним заниматься.

8. Олимпиада Васильевна и дядя Гоша

Миша кривляется, строит рожи, показывает всем язык. А папа сидит с ним рядом, считает в такт: раз – и, два – и, три – и...

Занимается папа бесплатно. Потому что знакомый.

- Вы золотой человек, – говорит Олимпиада Васильевна.
- Баловник он у вас, – отвечает ей папа.

Она кричит сыну в ухо:

- Где совесть? Где совесть? Где совесть у человека?!

Он перестает строить рожи. Но ненадолго.

– Бессовестный! – кричит Олимпиада Васильевна.

– Они все такие, – говорит папа.

– Все бессовестные, – говорит Олимпиада Васильевна.

Почему, думал я, его учат музыке? Почему меня учат музыке? Почему всех кругом учат музыке? Если никто не хочет? Я не мог понять!

– Вот тут вам подарок, – говорит Олимпиада Васильевна.

– Бросьте вы, – говорит папа.

– Нет, пожалуйста, я вас прошу.

– Я вас тоже прошу, – отвечает папа.

– Нет уж, вы позвольте...

Папа смеется.

Мама моя говорит:

– Он странный. Вы не обращайтесь внимания.

– Я-то вижу, – вздыхает Олимпиада Васильевна. Она почему-то все время вздыхала.

За ней приходил ее муж – дядя Гоша.

Миша тотчас же вскакивал и во всю глотку вопил: «Конец!»

Он хотел скорее домой.

Дядя Гоша ходил по комнате.

– Где сейчас моряки? – орал он. – Нет сейчас моряков! Это точно. Это ведь факт!

– Что факт? – спрашивал папа.

– Слушайте дальше. Не перебивайте. Вы знаете голубку «Куин Мери»?

– Не знаю, – говорит папа.

– Так вот я плавал на этой голубке, на этой старой посудине. Под парусами, нет, на всех парях! Мы неслись, я вам скажу, как черти! Сто восемьдесят миль в час! Как вам это кажется? Как поется: «Пятнадцать человек на сундук мертвеца, го-го-го! – так, кажется? Чудесная песня! Мда... так вот было зрелище!

– Как интересно! – говорит мама.

– Я был в Африке, крокодилы так, можно сказать, и лезут, но наш брат, ему карты в руки... ребята с нашей калоши...

– Чего? – спрашивал я.

– Ты помолчи, – говорил он мне. – Так вот значит, о чем это я? Да! Наш корабль возил опоссумов. Для разных там зоопарков. Вы видели опоссумов? Они вылезали из ящиков, гуляли по палубе, как матросы. Мы кормили их. Вместе с ними резвились... Милейшие звери!

– Как они выглядят?

– Очень мило, чертовски мило, носик кнопкой, хвостиком, – чудесные! А когда я был в Марселе...

– Вы были и там? – удивлялась мама.

– Я был везде! – отвечал дядя Гоша.

– Интересный вы человек! – говорила мама.

Он продолжал задумчиво:

– Я был в Лондоне и Амстердаме... Забыл, кстати, про опоссумов! Они, черти, жрут шоколад, ха-ха-ха!

Смеялся он долго. Потом вдруг прекращал внезапно. И начинал говорить очень быстро:

– Каир, Стамбул, языки мне даются легко, всем обязан морю, поездки, лианы, магнолии, кактусы... сербский, немецкий, французский...

– Хватит, – просил папа, – дальше не надо.

– Нет, почему же, я не устал.

– Я понял все, – говорил папа.

– Ну, хорошо, – соглашался он. – Дети ваши всегда пусть заходят. Прошу! Им нужны сласти. Конфеты и прочее.

– Спасибо, – говорил папа.

– Счет, как в банке!

– Спасибо, – говорил папа.

Олимпиада Васильевна не слушала. Она ушла на балкон. Она не слушала дядю Гошу. Ей было неинтересно...

Я смотрю, а папа такой усталый! У него глаза закрываются. Он хочет спать.

Дядя Гоша все ходит по комнате. Он бьет по шкафу ладонью:

– Как вы так живете?

Папа. Как?

Дядя Гоша. Ну у вас, например, нет шкафа.

Папа. Как нет, а это что?

Дядя Гоша. Вот этот старый ящик?

Папа. А что?

Дядя Гоша. Нет, я вас не пойму, как так можно жить!

Папа. Как?

Дядя Гоша. Вот так.

Мама. Да, да, да... Я ему говорила...

Дядя Гоша. Правда, тут роль играет хозяйка.

Мама. Я виновата?

Дядя Гоша. Я уж не знаю...

Мама. С моим больным сердцем...

Папа. Я вас прошу, прекратите!

Дядя Гоша. Ведь вам карты в руки... Новейший шкаф... я в одном доме видел... Я вам добра желаю. Я от души, так сказать. Мне-то ведь все равно. Но на вашем бы месте...

Папа. Что на нашем месте?

Дядя Гоша. Я купил бы отличный шкаф.

Папа. Еще что?

Дядя Гоша. Купил бы отличную люстру. Ведь вам карты в руки!

Папа. Скажи, пожалуйста, почему мне карты в руки? Я совершенно не понял.

Дядя Гоша. Ведь ты музыкант. Так сказать, эстетически-музыкальное движение души. Правильно я говорю? Я, брат, все понимаю. Я вашего брата знаю. Культурный ты человек или нет? Ведь у тебя есть деньги. Ты тратишь их не туда. Понимаешь? Они не туда идут, не туда! Ты подумай, ведь я для тебя, для твоей же пользы, ведь я тебе только добра желаю!

А папа спит. Он уже ничего не слышит. Так и не узнает он этого! Так и будет он тратить их не туда. Так и не купит шкафа мой папа. И люстру тоже не купит. Он спит. И ничего не слышит. А то что слышал, – забыл. Что же делать. Такой человек мой папа!

Наши гости уходят. Вздыхает Олимпиада Васильевна. А папа спит.

Я иду закрывать за ними дверь. Даю на прощанье щелчок Мише. Он кидается дать мне ответный щелчок. Но поздно. Я быстро захлопнул дверь.

– Красивая женщина, – говорит мама. – А Гоша такой романтичный!

А папа спит.

9. Старик Ливерпуль и папа

Папа курил свою трубку. Дым из трубки шел вверх, к потолку. Старик Ливерпуль дул на чай и грыз сахар. У него все зубы целые. Мама спрашивает всякий раз:

«И как вы сохранили зубы?»

Он постукивает по зубам ногтями и говорит, что ел крабов, омаров и желуди.

Папа мой говорит, что он тоже ел желуди.

Мама машет рукой и смеется. Не верит она в то, что папа ел желуди.

– Дорогой Ливерпуль, – говорит мама, – что за чушь?

Они думали, что я сплю, но я не спал, а приоткрыл даже чуточку дверь, чтобы видеть их лица.

Старик Ливерпуль любит папу. Когда папа мой плавал юнгой (совсем давно), он был в краях Ливерпуля. И хотя это было давно, папа помнит, какие там деревья, дома, даже небо...

Старик Ливерпуль. Да, да, да, точно такое небо!

Папа. Я помню.

Мама. Гоша там тоже был.

Папа. Гоша просто болтун.

Мама. Ничего подобного!

Старик Ливерпуль. Где был Гоша?

Мама. Там, где и вы.

Папа. Никогда он там не был.

Мама. Как можно...

Папа. Я совсем забыл. Он там действительно был, успокойся.

Старик Ливерпуль. Был, и слава богу!

Мама. А я что говорю?

Папа. То же самое.

Мама. Ну так вот!

Все молча пьют чай. Только слышен хруст сахара.

Старик Ливерпуль. В мире сейчас тревожно. А когда Гесс перелетел в Англию...

Папа. Это было давно. А вот Гитлер – уже не Гесс...

Мама. У нас мир с фашистами.

Папа. Какой может быть мир с фашистами! В этот мир я мало верю.

Мама. Как ты не веришь? Мир есть мир.

Папа. Что верно, то верно...

Почему в мире тревожно? Кто такой Гесс? И еще этот Гитлер... Все было так интересно! Но понять я не мог ничего.

Ворочается мой брат Боба. Он лежит рядом со мной в комнате. Он встает вдруг с кровати, идет к дверям. Приоткрыв дверь, говорит Ливерпулю:

– А вы можете съесть песок?

Все смеются. Боба бежит обратно.

Мама плотно закрыла двери. Теперь я ничего не вижу. Только кое-что слышу:

– «Мария» утонула в тысяча девятьсот семнадцатом...

– Если Гесс перелетел в Англию, то значит...

– Черт его знает, что это значит, но факт, что он туда перелетел...

Я слышу хруст сахара, вижу омаров в больших красных шапках, шхуну «Марию», Гесса, который летит в свою Англию, сыплет сверху песок на шхуну и шхуна «Мария» тонет...

10. На дачу!

Мы все-таки едем на дачу!

– В Москву бы поехать, – говорит папа.

– В какую Москву? – мама не понимает.

– Мы сошли бы в Москве на Казанском вокзале... что, разве было бы плохо?

– К чему это все? – мама не понимает.

Мой папа в Москве родился. Он хочет в Москву. Он давно там не был. Он каждый год в Москву хочет. А мама не хочет. Она здесь родилась. Она любит дачу. И я люблю дачу. Кто дачу не любит! Я люблю и Москву. Кто Москву не любит! Но что же делать! На дачу мне тоже хочется.

Мы стоим возле машины на улице. Все наши вещи в кузове. Мама с Бобой сели в кабину. Папа все говорит про Москву. Это с ним бывает.

– Я спешу, – говорит шофер.

Мама вдруг говорит:

– Где подушка и чайник?

Я бегу за подушкой и чайником.

– Не забудь закрыть дверь! – кричит мама.

Подушка огромная. Трудно бежать. Я теряю крышку от чайника.

– Она где-то звякнула, – говорю я.

– Поищите ее! – кричит мама.

Нас провожает вся улица. Здесь, конечно, братья Измайловы. И другие мальчишки. Они все бегут на лестницу. Ищут нашу крышку. Шофер говорит:

– Это мне надоело.

– Вы же видите, – говорит папа.

– Я-то вижу, – говорит он.

– В чем же дело? – говорит папа.

Наконец крышка найдена. Я лезу в кузов. Любой хочет ехать в кузове! Братья Измайловы едут завтра. Они едут в пионерлагерь. Но их повезут в автобусе. Они не поедут в кузове.

– Отойдите! – кричу я. – Ведь это машина! А не какая-нибудь там повозка!

– Ой, – кричит папа, – ведро забыли!

Я бегу за ведром. Подаю ведро папе.

– Ничего не забыли? – кричит шофер.

К нам спешит Ливерпуль.

– Чуть-чуть не опоздал, – говорит он.

Старик Ливерпуль всем жмет руки.

Мы трогаем с места.

Все мальчишки бегут за нами. Кричат и машут руками. Один Ливерпуль остался. Он стоит, смотрит нам вслед...

А мы всю едем! Ветер свистит. Волосы у папы растрепались. И у меня растрепались волосы. Уже нашего дома не видно. И всех мальчишек, и Ливерпуля...

Папа вдруг посмотрел на меня – я на папу. И мы рассмеялись. Не оттого что растрепаны волосы. Не потому. А просто так. Здорово – ехать на дачу, когда папа рядом, вот здесь, на вещах – вы себе не представляете!

Жаль, что днем едем. Лучше бы ночью. Тогда наши фары горели бы. Но днем светло. Тоже неплохо. Очень трудно сказать, что лучше!

Вдруг я вспомнил про девочку с бантом... Эх, был бы я пиратом! Вот так мчался бы я на своей шхуне... Бьют волны, и шхуна качается... Вдали виден корабль... В нем едет

девочка с бантом... Со мной целый отряд... Я беру в плен корабль... «Ах, это вы! – скажу я. – Ну, что ж, здравствуйте!» – «Ой! – вскрикнет она. – Дайте мне воды...» Я скажу: «Я вас всех отпускаю. Плывите себе на здоровье! Куда ваши глаза глядят...» Она скажет: «Ой, вы такой благородный! Просто дальше уж некуда! Я остаюсь с вами. Я влюблена!» – «Хорошо, – скажу я, – пожалуйста, как хотите...»

Стучит ведро о кастрюлю. Звенят ложки и вилки в мешке. Звенит крышка чайника.

Мы выезжаем из города. Куда ни глянь – вышки. Целый лес вышек. Где-то здесь должен быть дядя Али. Может быть, он меня видит.

Мы едем берегом моря. Лодки в море и на песке. И белые чайки над морем. И сети. И скалы.

Мы едем сквозь виноградники. Блестит дорога на солнце. А по бокам виноградники.

Мы едем совсем рядом с поездом. Мы мчимся, и поезд мчится – кто кого перегонит!

Едут навстречу нам машины. Мы едем навстречу машинам.

Идут навстречу нам люди. Мы едем навстречу людям.

Орет осел.

Кричат бараны, и блеют козы.

Кудахчут куры, кричит петух.

Наша дача уже совсем рядом!

11. На даче

На даче у нас виноградники, инжировые и айвовые деревья, а за деревьями и виноградниками море синее, иногда зеленое, а когда дождь и ветер, – серое. Вот какое море! А песок под ногами горячий. Но к этому я привыкну. В прошлом году мне так жгло ноги – вы себе не представляете! А потом я привык и ходил себе, сколько влезет. У нас на даче есть бык. Он в сарае. Его звать Алеша. Я видел его только в щелку сарая. Огромный бык. Рога – во! Говорят, очень злоющий. Тетя Эля, хозяйка наша, рассказывала. Он сломал два забора, двоих забодал, много бед натворил. Бык страшнейший, ну просто жуть! Иногда он протяжно ревет. Тогда мне становится страшно. Я бегу от сарая подальше. Я хватаю палку и жду. Я готов его встретить отважно. Мы только вчера приехали, а тетя Эля уже нам сказала:

– Смотрите, наш бык опасен!

Мама сказала:

– Как опасен?

– Свирепый он. Не допускайте детей. Чтоб они дверь в сарай не открыли.

Мама сказала нам:

– Слышите?

Я-то дверь не открою. Вот Боба – он может. Что ему бык! Ему все равно. Станный он человек! Я не верю, что я был таким, как он. Хотя мне говорят, что я был таким.

Я сейчас стою в винограднике. Вижу поезд вдаль, белый дым. Слышу стук колес. Кричат, кружатся в небе птицы. А солнце-то словно костер горит! Вся голова моя теплая. Мне бы в море сейчас!

Но мама меня одного не пускает. Очень жаль, что нет со мной братьев Измайловых!

Вон сидит на заборе мальчишка – весь черный. Нужно с ним познакомиться. Непременно я загорю, как он. Чего бы мне ни стоило!

Я стою в винограднике. Здорово, что мы на даче! Скоро наш виноград поспеет. Мы будем есть его сколько хотим. Пока не наедемся. Папа меня так учил: «Ты берешь в руки кисть. Вот так, а другой рукой ягоды рвешь. И кладешь их в рот. Ты набираешь их полный рот. Как можно больше. Потом – раз! – надави все зубами. Ты понял? Вот так едят виноград!» Каждый год он повторял: «Погоди, пусть он только поспеет!» Я покажу тебе, как это

делается. Пусть он только поспеет!» – «Это замечательно!» – говорил я. «Еще бы! – говорил папа. – К тому же ты можешь его сушить. Вон на той плоской крыше. Брезент расстели и суши. Зимой всех угостишь». Каждый год я собирался сушить. Но не сушил ни разу. В этот год я насушу два мешка или три, или даже четыре...

Сейчас папа в городе, что же делать! У нашего папы работа. Он не может все время быть с нами. Приедет он только к вечеру. Я увижу издали поезд. Со всех ног я помчусь к калитке. Чтобы встретить его на дороге.

Я стою в винограднике. Скоро весь виноград поспеет, инжир поспеет, айва поспеет, гранаты поспеют... Я даже стих сочинил:

Солнце светит, и море сверкает,
Инжир и айва поспевают,
И растет, и растет виноград,
Как я рад! Как я рад! Как я рад!

Мама ищет меня по саду. Она держит за руку Бобу. Вы слышите? Мама зовет меня. Я иду маме навстречу.

12. Мой папа и Алеша

Таким я не видел папу. И мама его не видала таким. Он шел странной походкой, весь в пыли, а в портфеле, в руках и во всех карманах – не сразу мы поняли, что это!

– Это редиска! – сказал я.

– Редиска?!

Зачем папе столько редиски?

Тут было чему удивиться!

Мы стоим на веранде и смотрим на папу. Он нас тоже видит. Кричит нам:

– Я был на базаре!

Он очень веселый. Машет портфелем. Редиска летит во все стороны.

Мой папа был пьяный.

Мы это с мамой увидели.

– Что это значит? – кричит ему мама.

А папа! – он был таким веселым! – прошел весь двор прямо к двери сарая, открыл дверь и позвал быка.

Мама так испугалась! Еще бы! Тети Эли нет дома, ее мужа нету, они оба в городе – что же делать?

– Иди-ка сюда, – зовет папа быка.

Бык не идет.

– Эй, Алеша! – кричит ему папа.

Бык выглядывает из дверей.

– Алеша! Кому говорю!

Тогда бык пошел прямо к папе.

Он идет прямо к папе, а папа кричит и, ногой даже топнул, и снова редиска попадала.

Бык спокойно подходит к папе. А папа к земле нагнулся. И собирает редиску.

Бык ждет, когда он поднимется.

– Эх, Алеша, Алеша, – говорит папа.

– Уходи! – кричит мама. – Скорей уходи! Пока он ест!

А папа – он даже не слышит. Он и не думает уходить.

– Ешь, ешь, – говорит он Алеше.

Алеша ест с удовольствием.

– Теперь прогуляемся, – говорит папа. Он берет за один рог быка и тащит его прогуляться. И бык идет следом за папой.

Папа делал круги по двору. Бык шел за ним и ел редиску.

– Люблю лето, – говорил папа, – замечательное здесь лето. И солнце здесь замечательное. Но в Москву все же хочется. Я там родился... Там тоже есть солнце... конечно... но не в таком количестве...

– Ты же пьяный! – кричит ему мама.

– Сейчас я приду! – отвечает папа.

Я хочу бежать к папе. Но мама меня крепко держит за майку.

– Что он делает!!! – кричит мама.

А папа не слышит. Он ходит по кругу. Бык ходит за ним. Ест редиску. И слушает папу:

– Охота в Москву... Там зимой много снегу... А летом? Ну... летом там тоже тепло.

Ну не так, как здесь... Это верно...

Бык смотрит на папу. Редиска вся кончилась.

– Нет, – говорит папа, – ты пойми: солнце там тоже есть... но не в таком количестве...

Мне почему-то смешно стало. Что папа все повторяет? Любой поймет, даже бык. Что он все повторяет?

Бык как заорет! А папа его хлоп ладонью по шее. И бык замолчал.

– Тоже мне, – говорит папа, – вздумал орать! Мы все орать можем. Ты лучше послушай. Тебе человек говорит, так ты слушай... И не ори! Так и знай. Что орешь? Тоже мне разорался!

Бык внимательно смотрит на папу.

– Ну, что уставился? – говорит папа. – Не написал я хорошей музыки. А почему? Сам не знаю... Хотя мне всегда хотелось... И даже сейчас очень хочется! А солнце здесь есть, это верно... А там не в таком количестве...

Тут во двор входят дядя Багир, тетя Эля и кто-то еще.

– Вай! – говорит тетя Эля.

Дядя Багир кричит:

– Бык! Смотрите!

– А, – говорит папа, – это вы!

– Осторожно! – кричит ему дядя Багир.

– Чепуха, – говорит папа, – все чепуха...

Он бросает портфель и идет прямо к нам.

Бык рвет папин портфель. Летят ноты по ветру...

– Что с тобой? – моя мама плачет. Она первый раз видит папу таким. – Что с тобой сегодня?!

– Ничего, – говорит папа, – все Ливерпуль... Ливерпуль меня угостил... он меня угостил. За успех... он не просто так...

– За какой успех?!

– Ну... как, то есть? – сказал папа. – Я за успех...

Папе вдруг стало плохо.

13. Очень маленькая глава

Я пошел поглядеть виноград. Я-то знал, что он еще зеленый. Но я хотел еще раз поглядеть. Вдруг я вижу – бежит по дороге мальчишка, вокруг пыль столбом и жара такая, а он орет:

– Война! Война!

Мама тоже вышла из дому. Слышит это и мне говорит:

– Вот негодный мальчишка! Вчера тоже кричал: «Пожар! Пожар!» А никакого пожара не было.

14. Еще одна маленькая глава

Папе к вечеру стало лучше. Он пошел на вокзал прогуляться. Он всегда ходил на вокзал прогуляться. Уж очень любил он вокзалы! Сядет там где-нибудь на перроне и все сидит, отдыхает.

Вернулся он очень быстро. Мой папа вошел и сказал одно слово:

– Война!

Он не любил говорить много слов. Такой был человек мой папа!

15. Домой

Мы уезжаем с дачи.

Мне очень жалко дачу. Жалко мне виноград – он еще не поспел... Жалко мне расставаться с морем...

Но мы уезжаем. Завтра едет на фронт наш папа. Мы будем его провожать. А сейчас мы садимся в машину. И едем в обратную сторону.

Мы едем по той же дороге. Опять еду я с папой в кузове. Но почему мне не весело? Мне даже не интересно. Хотя еду я в том же кузове. И мне могут опять все завидовать...

– Дождь будет, – говорит папа.

– А как же мы?

– Так же, как и сейчас.

– Но ведь дождь...

– Ну и что же?

– Но мы ведь промокнем...

– Промокнем...

А небо уже совсем серое. И дождь пошел.

Папа мой достает одеяло. И мы накрываемся. Мы сидим под одеялом. А дождь хлещет и хлещет на нас. Всюду льется вода. Наши вещи, наверно, промокли...

Мы почти в темноте. Я гляжу в щелку и вижу дождь – больше я ничего не вижу.

– Дурацкий дождь, – говорит папа, – черт бы его побрал...

– Плохо, – говорю я, – когда едешь и ничего не видишь.

– Это верно, – говорит папа, – не очень хорошо...

– И когда дождь тоже плохо.

– Тоже плохо, – говорит папа.

– И когда ноги мокрые.

– Тоже верно, – говорит папа.

– Почему ты мне так отвечаешь?

– Как?

– Ну, как-то скучно...

– А тебе весело?

– Нет, мне почему-то не весело.

– Потому что дождь?

– И дождь и война. Все вместе.

– Но мы победим? Ведь верно?

– А как же!

– Эх, – говорю, – интересно все же! Трах-бах! – самолеты, танки...

Одеяло с нас чуть не свалилось. Папа поправил его и сказал:

- Ну, ну, ну, не махай руками.
  - Тебе каску дадут? – говорю.
  - Дадут, – говорит папа, – все дадут.
  - Она ведь железная. Даже стальная. Как ты думаешь, каска стальная?
  - Стальная, – говорит папа.
  - Ты ходи в каске, – говорю, – раз она вся стальная.
  - Обязательно, – говорит папа.
- А дождь льет и льет.
А мы все едем.

16. До свидания, папа!

Я, мама, Боба стоим на балконе.

Мы глядим в темноту – вокруг темно, в нашем городе затемнение. Там в темноте мой папа. Мы слышим папины шаги, мне кажется, я его вижу, вот он обернулся, махнул нам рукой... Он только что вышел из дому. Только что с нами простился. Он уходит все дальше, туда в темноту.

- До свидания, папа! – кричу я.
- До свидания, папа! – кричит Боба.

Только мама стоит с нами молча.

Я кричу в темноту:

- До свидания!

Боба машет двумя руками. Темнота-то какая! А он все машет. Будто папа его увидит...

... Шагов папы не слышно. Наверное, он свернул за угол. Мы с Бобой кричим:

- До свидания, папа!

Мой папа ушел на войну.

Мы уходим с балкона.

17. Папы нету

С утра наш телефон звонит. Все спрашивают: «Уехал?» – «Вчера, – говорю, – уехал». – «На фронт», – говорю. «Как жаль, – говорят, – не успели проститься!»

Быстро мой папа уехал. Никто не успел с ним проститься.

Звонят и звонят. Мамы нету. Я всем отвечаю. «Как, – говорят, – уже уехал?» – «Вчера, – говорю, – уехал». – «На фронт?» – говорят. «На фронт», – говорю.

Опять звонок.

- Ваш отец дома? – спрашивают.
- Нет, – говорю, – он уехал...
- А когда приедет?
- Нескоро.
- А куда он уехал, если это не секрет?
- Это совсем не секрет. Он на войну уехал.
- На какую войну?
- Вы что, не знаете, что сейчас война?
- Некрасиво с его стороны, некрасиво!
- Что некрасиво?
- То, что он уехал.
- Почему же некрасиво?

- Он мне должен, а сам уехал.
- Чего должен?
- Кое-что должен.

Тут я прямо растерялся. Просто не знал, что ответить. Словно папа сбежал на войну от него. Просто меня зло взяло.

- Кто, – спрашиваю, – говорит?
  - Не узнал, карапуз? Ну, будь здоров!
- Теперь узнал. Это дядя Гоша.

Когда меня раньше спрашивали: «Ты кого любишь?» – я отвечал: «Папу, маму и дядю Гошу».

Но это было раньше.

18. Я вижу папу

Мы с Бобой едем в поезде. Мы едем с ним в Баладжары к папе.

Все так быстро случилось! Так неожиданно! Вдруг звонит папа. Я сразу не понял, кричу:

- Что вам нужно?

А он говорит:

- Мне нужен Петя.

Я кричу:

- Петя вас слушает!

А он говорит:

- Папа вас тоже слушает.

Я как заору:

- Где ты, папа?

Он говорит:

- Недалеко.

Я кричу:

- Как на фронте?

А он смеется.

– Мы еще, – говорит, – не на фронте. Мы по дороге на фронт. Эшелон наш пока в Баладжарах. Мы здесь пока задержались. Как там у вас? Все в порядке?

- Конечно, – кричу, – все в порядке!

Папа все маму ждал. А ее не было. Тогда папа сказал, что он всех нас целует, чтоб мы были дружны, чтоб я слушал маму и Боба чтоб слушал, и папа повесил трубку.

Значит, папа от нас совсем близко! То есть на первой станции. Там, наверное, пушки и танки. Целый поезд военных. Папа не был военным, когда уезжал. Он был в своей старой одежде. И пистолета у папы не было. И никакой каски не было. А сейчас он, наверное, в каске. И пистолет на боку. Поглядеть бы на папу!

Но папа сейчас в Баладжарах.

А я здесь сижу. Просто глупо, когда папа там, а я здесь. Тем более он с целым войском. Тем более он в Баладжарах. Прямо, можно сказать, совсем рядом!

Я говорю Бобе:

- Слушай, ты можешь спокойно сидеть?

- Где сидеть? – спрашивает Боба.

- Ну, ничего не трогать?

- Чего не трогать?

- Ничего, – говорю, – не хватать и не трогать, а просто сидеть, можешь ты или нет?

- Почему? – говорит Боба.
- Я к папе еду!
- И я хочу к папе, – говорит он.
- Ну тогда, – говорю, – собирайся! Быстрей!

...И вот мы с ним едем в поезде. Правда, мы с ним разбили копилки – его мопса и мою кошку. Попадет нам за это от мамы. Но зато мы купили билеты. Мы едем с настоящими билетами. Как настоящие пассажиры. Нам совсем не жалко копилок.

Очень медленно едет поезд. Ползет еле-еле. Скорей бы! А то папа нас не дожидется. Уедет он со своим войском.

Боба заснул. Пусть спит, раз человек хочет спать.

Я смотрел в окно, а потом перестал, просто мне не до этого. Здорово, что мы сейчас едем к папе! Он, наверное, удивится, скажет: «Как это вы вдруг здесь?!» Я скажу: «Я уже вовсе не маленький. Ты мне сам говорил. В чем же дело?» Папа, когда уезжал, сказал, что я, в общем, уже вполне взрослый, поскольку война и поскольку я старший. Что уж тут нас ругать! Тут ругай не ругай, все равно. Раз приехали.

Я стал думать про папу. Как папа мне рисовал корабли, такие замечательные, с парусами. Лучше всех кораблей была шхуна «Мария». Тут папа всю постарался. Ведь он плавал на этой шхуне. Он ее точь-в-точь знает. «Я не художник, – говорил папа, – но я постараюсь». Он так всегда говорил, когда мне рисовал. Но лучше шхуны он ничего не нарисовал. Когда он рисовал ее, я подумал: «Вот так не художник! Настоящий художник». Вы бы видели рисунок. Замечательный был рисунок. Я его променял на мяч. Если бы был плохой рисунок разве мне дали бы мяч? Ни за что бы не дали. Вот какой был рисунок!

Потом я про другое вспомнил. Как папа войну рисовал: идут в бой солдаты, палят пушки и много убитых. Он всех солдат рисовал в больших касках. В большущих таких зеленых касках. Но ведь их все равно убивали. Хотя они были в касках. Называл это папа «Баталией».

Я долго думал про это.

Как-то я не могу не думать. Я все время чего-нибудь думаю. Правда, чаще всего чепуху разную, иногда сам удивляюсь – как я такое думаю. Какой-то я, в общем, задумчивый. Только когда я в футбол играю, или когда в воду прыгаю, или когда пою песни, тогда я ничего не думаю. Я тогда просто прыгаю в воду, играю в футбол и пою себе песни.

Я думал и думал, и Боба проснулся.

– Это что, – говорит, – куда мы едем?

– Мы, – говорю, – едем к папе.

– А куда, – говорит, – мы к папе едем?

– Мы, – говорю, – едем в Баладжары к папе. Я посмотреть хочу, как мы подъезжать будем. Я папу в окошко увижу.

Он посидел, посидел, а потом говорит:

– Баладжары какие?

– Большие, – говорю.

Тогда он совсем успокоился. И стал в окно смотреть.

Смотрел он, смотрел и опять заснул.

Качается поезд ужасно. Любой тут заснет. Это я такой, в общем, выносливый. Как Чапаев погиб, слышали? Часовые-то все уснули. Белые к ним подкрались и всех – раз! раз! – закололи. И на Чапаева бросились. А Чапаев-то спал, и чапаевцы спали. Проснулись – кругом стреляют. Совсем близко белые. Оттого и погиб Чапаев. А то он никогда не погиб бы. Он до сих пор бы жил. Может быть, он пришел бы к нам в гости. Чтоб побеседовать с папой. Спросил бы меня: «Ну как живешь?» – «Хорошо живу, товарищ Чапаев, – сказал бы я. – „И живи на здоровье! – сказал бы Чапаев. – Еще лучше жить будешь!“ – „Товарищ Чапаев, –

сказал бы я, – как бы мне стать таким, как вы? Очень хочется мне стать Чапаевым!“ Что бы он мне ответил? Он, может быть, стал бы рассказывать. Про разные конные атаки. Как скакали они вместе с папой, впереди всего конного войска.

Мне спать нельзя. Я могу Баладжары проехать. Как-никак – все же первая станция. Я в общем-то очень выносливый. Эх, быть бы мне часовым! Дали бы мне винтовку. Глядел бы я вдаль. Я бы зорко глядел. Никогда не подвел бы Чапаева...

...Вон дядька в углу спит. Рядом с ним корзины. Я стал думать, что в корзинах. Сейчас все набирают продукты. Несут и везут что попало. Там может быть:

индюки,
мыло,
сахар,
гуси,
курицы,
утки,
зайцы и поросята,
маленькие козлики (хотя они могут туда не поместиться),
варенье,
печенье,
яблоки,
груши,
конфеты,
колбаса,
лук,
огурцы,
селедка...

...Надоело мне думать. Откуда я знаю, что там может быть!

Поезд стал подъезжать к Баладжарам. Я разбудил Бобу, и мы пошли.

Рельсов-то сколько! Гудки, свистки. Играет где-то гармошка. Поют песню:

Любимый город может спать спокойно...

Мы с Бобой идем вдоль большого состава. Во всех вагонах военные. Очень трудно найти здесь папу!

Скоро нас окружили военные. Один дал нам кусок колбасы. Замечательная была колбаса! Я такой колбасы никогда не ел. Настоящая военная колбаса! Мы с Бобой ее сразу съели.

Мы хотели дальше идти. Искать папу. Но паровоз загудел что есть силы. Все стали садиться в вагоны. Поезд тронулся и пошел, сначала тихо, а дальше быстрее и быстрее...

И тут я увидел папу.

Это был папа, честное слово! В военной форме, в пилотке. Боба не видел его, а я видел. Мой папа стоял на подножке вагона. Он, кажется, нас заметил, даже крикнул нам что-то. Но я не расслышал, что он крикнул. Вагон быстро промчался мимо. Я уверен, что это был папа. Он махал нам, и я побежал за вагоном, а поезд уже вовсю мчался...

19. Обратно домой

Обратно мы шли по шоссейной дороге. Я думал, так будет быстрее. Сначала я пел: «Солнышко ясное, наша жизнь прекрасная!» Потом на спине тащил Бобу.

Я не мог его долго тащить, и мы сели на камень. Кругом желтая степь. Вся трава сгорела от солнца. Мчатся мимо машины. Проехал танк.

Боба как заорет:

– Папа едет! Вон папа едет!

Он решил, что папа в танке. Почему он так решил, я не знаю. Он стал так орать, что я думал, он лопнет. Хотел бежать следом за танком.

Вы бы видели, как он орал, – грузовик даже остановился.

Шофер говорит:

– Вы, ребята, чего?

– Мы, – говорю, – домой идем.

– А малыш чего?

– Папа наш в танке уехал, – говорит Боба.

– Врет он все, – говорю, – ни в каком танке он не уехал. Он в вагоне уехал.

Шофер говорит:

– Все ясно, хотя не совсем. Ну, садитесь, живо!

Мы сели к нему в кабину. И во весь дух помчались.

– Значит, вы здесь одни, – говорит шофер.

– Мы, – говорю, – к папе ездили. Мы провожать папу ездили.

– Ах вот оно что! – говорит шофер. – А мама где?

– Мама дома, мы сами пошли.

– Ну и ну! – говорит шофер.

– Папа наш капитан Красной Армии, – говорю.

– Совсем хорошо, – говорит шофер.

– Он с Чапаевым воевал, – говорю.

– Да ну! – говорит шофер.

– Честное слово! Воевал он с Чапаевым, а Чапаева потом убило...

– Прямо с ним рядом и воевал?

– А как же, – говорю, – отдельно, что ли, конечно, рядом!

– Интересно, – говорит шофер.

Ему очень понравилось, что мой папа с Чапаевым воевал. Только он немножко не верил.

– Что, не верите? – говорю. – Очень даже напрасно! А еще папа был моряком. Он на шхуне «Мария» плавал. Он эту шхуну мне рисовал. Замечательная была шхуна! Парусов – тысяча! Мачты – во! – громадные такие мачты, а нос длиннющий, длиннющий... Только это давно было...

– Ну и ну! – говорит шофер.

– А вообще папа мой не военный. И не моряк. Раньше он был моряком. А сейчас папа мой музыкант. Он даже музыку пишет. Только у него не очень получается. Но он все равно пишет. А мама говорит: не стоит, раз не получается. А как вы думаете, стоит?

– Ну и врешь же ты все, – говорит шофер. – Вроде маленький, а врать горазд. И шхуну приплел, и Чапаева, а тут еще музыка...

– А вы, – говорю, – у Ливерпуля спросите, он вам скажет.

– У кого?

– У Ливерпуля.

– Что за Ливерпуль?

– Как, – говорю, – кто такой Ливерпуль – это Ливерпуль...

– Я, – говорит, – с тобой разговаривать не буду, если ты мне будешь глупости говорить...

Я говорю:

– Вот приедем, я вас с ним познакомлю.

– С кем?

- С Ливерпулем.
- Что это, попугай какой, что ли?
- Не хотите, не верьте, – говорю, – как хотите.
- Да ладно уж, – говорит шофер.
- Вы что везете? – спрашивает Боба.
- Песок, – говорит шофер.

Боба его про песок стал расспрашивать: что за песок, есть ли там ракушки, куда песок везут.

Шофер ему отвечал все в шутку, и Боба был очень доволен.

– Я, – говорит Боба, – хочу туда в кузов, в песок, а вы здесь езжайте, разрешите мне, пожалуйста, в песок.

Ему, конечно, не разрешили, и он все дулся.

Шофер нас довез до дома. Пожал мне и Бобе руки, передал привет Ливерпулю. И мы домой побежали.

Ой, что тут было! Наша мама вся совершенно бледная. Сидит и плачет.

В это время мы входим.

Мама. Где вы были?

Я. У папы. Там нас колбасой накормили.

Мама. Какой колбасой?!

Боба. Ливерной.

Я. Там нас ливерной колбасой накормили.

Мама. Кто накормил?

Я. Мы ездили к папе.

Мама. Каким образом?

Я. На поезде.

Мама. Боже мой!

Я. А обратно мы шли пешком...

Мама (кричит). Откуда вы шли пешком?!

Я. Из Баладжары.

Мама. Из Баладжары?!

Я. Я видел папу...

Боба. Я видел танки!

Мама просит воды. Маме плохо. Я бегу за водой на кухню.

20. В кино

Целый день мы возились в песке. Хотя мне надоел песок, но что же делать? Нас не пускают дальше двора. Все за то, что мы ездили к папе.

Мы были грязные, это правда. И мама нас стала ругать.

– Неужели нельзя, – говорила она, – так играть, чтобы оставаться чистыми, опрятными и культурными детьми, тем более отец на войне?

Это было неинтересно. Мы сто раз слышали.

«Играть целый день в песке, когда война и отец на войне... Разве нельзя, – думал я, – играть в песке, если даже война?»

А мама продолжала:

– Этот маленький – понятно, но ты-то что там нашел?

Что я там нашел? Ничего не нашел. Что там можно найти? Не берут же меня на фронт!

Наконец мама сказала:

– Вот что. Я дам вам деньги. Идите в кино.

Это было другое дело. Мы с Бобой сейчас же помчались в кино.

Мы сели с ним в первый ряд. Я люблю первый ряд – как-никак не последний.

Сначала журнал показывали. Интересный журнал, про войну – стрельба, взрывы, танки, – война, в общем, самая настоящая.

Показывали красных конников.

Показывали, как горит город.

Показывали военных в землянке.

И вдруг смотрю – папа!

Сначала я не узнал его, он стоял, нагнувшись над картой, а рядом еще военные, и все на карту смотрят, потом папа взглянул на меня, и я сразу узнал его и на все кино крикнул:

– Папа!

Вокруг меня зашикали. «Тише, – говорят, – не мешайте смотреть картину, какой тут может быть папа!» А один говорит: «Очень даже возможно; напрасно вы, граждане; может, и впрямь он отца увидел. Может, отец его киноартист». Но тут опять зашикали: «Что вы, – говорят, – глупости разные говорите, какой тут может быть киноартист, когда это самый натуральный киножурнал и никаких киноартистов нет». Тогда тот дядька сказал: «А может быть, наоборот: может быть, он отца увидел и не киноартиста, как я предполагал, а самого что ни на есть, как вы давеча сказали, натурального, фронтового отца». Тут все опять зашумели, прекратите, говорят, безобразие, что за шум, где директор и все такое. И стало тихо. Я все глядел, может, папу опять покажут. Но больше не показали. Потом журнал кончился, свет зажегся. Тот дядька, который меня защищал, говорит:

– Ты правда там отца увидел?

– Ну да! – говорю. – Ну да!

– Вот это интересно, – он говорит, – любопытный случай! Просто, можно сказать, исключительный случай. Сын видит отца в кино. А отец на фронте. Нет, это редкость, товарищи! Ты, сынок, вот что сделай. Картина кончится, а ты останься. Еще раз на отца погляди. А я там объясню, в чем дело. Чтоб тебя, значит, не трогали.

Мы с Бобой, конечно, остались.

Позже мы пришли с мамой. От папы ведь не было писем. Мы волновались за папу!

Один раз я шел мимо кино. Меня подозвал контролер.

– Прости, мальчик, – сказал он, – не твой ли отец...

– Да, да, да, – сказал я, – мой, мой... – я сразу понял его.

– Так вот что, – сказал он, – прошу, милый, в любой день, в любой час дня и ночи – прошу! – и он показал рукой в зал.

С тех пор я ходил каждый день в кино. Каждый день я видел папу. Папу видел не только я. Все мальчишки со всей нашей улицы, и конечно братья Измайловы, все ходили со мной смотреть папу.

– Зови еще, – говорил контролер, – всех зови, пускай смотрят!

Это был замечательный контролер!

21. Про отцов и про нас

Я уже в третьем классе. У нас теперь новый учитель. Он похож на Ливерпуля. Он тоже лысый, но без бороды.

Мы сидим и глядим на Пал Палыча, а он ходит по классу с речью.

– ...Таким образом, дети, идет война. Отряды наших бойцов бьются на всех фронтах; рабочие, интеллигенция помогают фронту. Что требуется от вас, когда ваши отцы с оружием в руках бьются с врагом, чтобы дать вам возможность вот так сидеть здесь, как вы сейчас сидите, и учиться? Что требуется от вас? От вас требуется взять от меня те знания, которые я

накопил за свои долгие годы. Это все, что от вас пока требуется. А что требуется от меня? От меня требуется, разумеется, передать вам эти знания, которые я накопил. Я думаю, вы меня поняли. Я думаю, мы с вами создадим рабочую обстановку, которая нам для этого потребуется. Вы должны помнить, что ваши отцы, ваши старшие братья сдерживают несметные орды захватчиков, которые рвутся сюда, в наш город. Ваш фронт – здесь в тылу, вот эти парты – ваши позиции. Только своей учебой, а не кривляньем и ленью вы добьетесь уважения. Этим вы помогаете фронту, своим отцам и старшим братьям. Вы должны чувствовать ответственность. Ваш враг не только Гитлер, не только фашиствующее отребье, посягнувшее на нас, ваш враг – лень, кривлянье, безответственность, беспринципность, безволие, безалаберность, бездумье и так далее. Вы должны помнить это.

Пал Палыч подошел к окну.

– Что я вижу там? – спросил он.

Мы стали смотреть в окно, но ничего такого там не увидели.

– Я вижу нашу землю. Ваши отцы бьются насмерть за эту землю. Отцы ваши не заслуживают этих, с позволения сказать, подарочков в виде, как вы сами понимаете, двоек и единиц, и я могу надеяться, могу думать, что это будет у нас редчайшим явлением в нашей практике. Могу я надеяться? – спросил он.

– Можете! – закричали мы вразброд.

– Очень хорошо, – сказал он, – приступим к уроку.

Я как раз заканчивал рисунок: отцы наши мчатся на конях, с шашками наголо, а Гитлер от них удирает. Я видел, как рисуют Гитлера в газетах, и, по-моему, здорово похоже получилось...

22. Двойка

Двойку все-таки я получил. Хотя я всю старался. Почти все у Мишки списал.

Двойки я получал и раньше. Но то было раньше, а то теперь. От папы давно нет писем. С того дня, как он уехал. Я все боялся: придет письмо, папа спросит в письме, как там Петя, как учится, что я отвечаю?

Нужно было исправить двойку. Ждать я больше не мог.

Я решил объяснить все Пал Палычу.

– Мда... – сказал он. – Семь ошибок в одном изложении. Но выход есть. Вот возьми книжку. Вот этот рассказ. Ты прочтешь его дома. Разок или два. Но не больше. Закроешь книжку и будешь писать. Только чур – не заглядывать. Понял?

– А кто будет смотреть, заглядываю я или не заглядываю? – сказал я.

– Никто не будет смотреть. Не такой ты уж маленький. Взрослый парень. Что за тобой смотреть!

– Как же так? – удивился я. – Я ведь буду смотреть.

– Не думаю, – сказал он.

– Почему же?

– Потому что на честность. Такой уговор. Как же можно смотреть! Тогда будет нечестно.

– Вот это да! – удивился я.

– Я тебе верю, – сказал Пал Палыч. – Я доверяю тебе – вот и все!

– Так-то так, – сказал я, – но кто будет знать?

– Можно считать, – сказал Пал Палыч, – что разговор у нас закончен.

– Конечно, конечно, – сказал я, – конечно...

Я, наверно, был очень растерян. Такого еще я не видел. Прямо-таки удивительно!

Я прочел рассказ только два раза. Больше я не открыл книжку. Хотя мне очень хотелось. Я писал с трудом. Так хотелось мне заглянуть в рассказ! Даже в классе писать было легче. Там можно было спросить у Пал Палыча. Можно было списать у соседа. А здесь было все на честность.

Я все написал, как запомнил. Пал Палыч прочел и сказал:

- Человек ты, я вижу, честный. Так и пиши отцу.
- А как же двойка?
- Это не самое главное. Можешь считать, что исправил.
- А откуда вы знаете, – спросил я, – честный я или не честный?
- Сразу видно, – сказал Пал Палыч, – по изложению видно.

23. Два письма

Смотрю я на наш почтовый ящик и вижу: там что-то белеет. Что-то есть в нашем ящике, что-то лежит там...

– Мама! Мама! – кричу. – Что-то в ящике есть!

Я ведь могу посмотреть, что там есть, а сам на месте стою и кричу:

– Мама! Там что-то есть!

И вот мама подходит к ящику, вынимает оттуда одно письмо и второе письмо – целых два письма! Она прижимает к груди письма и говорит: «Боже мой... боже мой...» – идет быстро в комнату. Я говорю: «Это все от папы?» А мама говорит: «От папы, да... одно письмо от папы, боже мой...» У мамы всю дрожат руки, она с трудом рвет конверт и читает. «Ты читай вслух, читай вслух», – прошу я. И мама читает вслух, мамин голос совсем не похож на мамин, глухой и тихий, будто издали слышу я мамин голос: «...Чертовщина у нас тут получилась, очень скоро мы попали в окружение, ушли в лес и болтались по лесам и болотам довольно долго, а потом прорвались и соединились с нашими войсками. Сейчас я жив и здоров. Здесь меня орденом наградили – Красного Знамени. Теперь вы понимаете, почему от меня не было писем – по этой простой причине...»

Дальше папа спрашивал, как мы живем, как наше здоровье, что он о нас очень соскучился, очень хотел бы увидеть нас, но война – ничего не поделаешь!

Потом мама читает второе письмо. Это письмо от знакомой старушки. Она пишет без запятых и без точек, она не училась в школе, и маме трудно читать.

«Здравствуйте дорогие моему сердцу Валентина Николаевна и ребятки уведомляю вас что жива и здорова того и вам желаю дорогие мои с того дня как вы у нас гостили тем летом новости дюже вредные то есть немцы нас захватили и все у нас отбирать стали а дядю Гришу немцы повесили и вот все у нас немцы поотбирали а один дюже злощий у нас в нашей хате поселился и револьвером мне все грозит что я вроде припрятала кур и яйца а я ничего спрятать-то не успела так вот мои милые спешу вам сообщить какое у нас тут горе самое настоящее на наши головушки свалилось а в следующих строках своего обстоятельного письма сообщаю новость а ту именно что Володя отец вам и муж твой Валентина Николаевна как снег на голову вдруг объявился а с ним наши солдатики дюже все похулавшие и не скрываю я от вас от родных что и Володя был похулавший и уставший а погода была у нас скверная ветры сильные и дожди со снегом пополам а Володя-то с солдатами моего жилья лютого враз застрелили и тут такая пальба пошла страшнейшая и немцев всех они тут перебили всех окаянных уничтожили а Володя-то ваш и говорит ну Марья Петровна живи спокойно а я говорю как же вы-то здесь очутились касатики когда наши-то все далеко отсюда а он говорит такие бабуся обстоятельства сложились не горюй бабуся вернутся все обязательно никуда бабуся не денутся а после они ушли в лес обещали вернуться ты не горюй говорят бабуся а как же тут не горевать дорогая моему сердцу Валентина Николаевна когда горе-то вон какое

на нас свалилось и дай то им бог к своим дойти так вот и пишу я вам а вы на меня не сердчайте что может не так пишу а ежели Володя тут еще объявится то я вам еще напишу а других новостей пока нету только Васютки племянник Николай капсюль все ковырял и ему палец-то и оторвало а так наши пока что все живы и тебе Валентина Николаевна и детишкам твоим приветы шлют остаюся жива и здорова бабушка Мария Петровна и что плохо написано не гневайтесь разбирайте уж как-нибудь».

Мама читала и читала письмо по несколько раз и все плакала, а я сел писать ответ папе.

«Дорогой папа! – писал я. – С отметками у меня хорошо. Меня даже хвалили за честность, и вот как это произошло...»

И я написал, как было с отметкой и с изложением.

24. До свидания, дядя Али

Рамис, Рафис, Расим, Раис сидели на верхней ступеньке, я стоял рядом.

– Мой папа, – говорил я, – убил самого главного фашиста одним выстрелом вот с такого расстояния, как отсюда, вот от этих перил, до той трубы, вон на той красной крыше...

– Он убил Гитлера? – спросил Рафис.

– Гитлер сидит во дворце, – сказал я, – как там его убьешь.

– Значит, не самого главного, – сказал Расим.

– Как же не самого, – говорю, – когда самого, только не Гитлера, вот и все...

– А дальше что было? – спросил Расим.

– Потом папа берет автомат и ка-ак пошел чесать – тра-та-та! – вкруговую...

– И в него не попали? – спросил Расим.

– Как бы не так! – говорю.

– Как же так, – сказал Расим, – раз он не нагибался! На фронте все нагибаются. Я в кино видел.

– Слушай дальше, – сказал я. – Сначала он не нагибался. Он так специально делал. Чтoб фашистов запутать. Вот они все и запутались. Все нагибаются, а он нет. Тут можно любого запутать...

Братья Измайловы раскрыли рты, а я был очень доволен, как будто я, а не папа, палю в фашистов, вот здесь, прямо на лестнице. Мне даже стало жарко.

– ...так вот он не нагибался сначала, а после стал нагибаться, он видит, в него кто-то целится, прямо из пулемета, он сразу – раз! – и нагнулся. И все пули мимо. Потом видит: в него из винтовки целятся, он снова – раз! – и нагнулся. Он-то знает, когда нагибаться! А когда не нагибаться. По-том он да-вай всюю из автомата – как из поливальной машины – жжж-жых! А немцы-то, немцы один за другим так и валятся, так и валятся, целые горы... потом в папу гранату кинули – он ка-ак отпрыгнет в сторону... – тут я хотел показать, как отпрыгнул мой папа в сторону, но забыл, что стою на ступеньке, и полетел вниз по лестнице...

А дядя Али поднимался.

– Что ты, Петя, – сказал он, – куда летишь?

Он схватил меня за рубашку. Поставил на ноги и сказал:

– Поздравь, Петя, еду и я на войну, на подмогу Володе...

Я растерялся и говорю:

– До свидания, дядя Али...

25. На крыше

Когда дядя Али уезжал, он сказал маме: «Встречу Володю, привет передам. Еще что передать?» Мама стала столько передавать, что дядя Али сказал: «Хватит, зачем столько

передавать?» А мама сказала: «Нет, передай, пожалуйста, все передай». Тогда дядя Али сказал: «А как же, обязательно передам».

Я просил передать папе, что, когда вырасту, тоже приеду на фронт, на подмогу, а дядя Али сказал: «Ну, дорогой, тогда война кончится». Я говорю: «А может, не кончится?» Он говорит: «Дорогой, зачем я тогда еду?» – «Ну и что же, – говорю, – что вы туда едете, вы же один ничего не значите». «Как так, ничего не значу? Один не значу, а вместе с Володей значу».

Мы проводили дядю Али. Все на фронт уезжают, один за другим. Только я остаюсь, да старик Ливерпуль, да еще мама, Боба, Фатъма Ханум...

Все на фронт уезжают. Старик Ливерпуль говорит:

– Я теперь не пью. Не могу пить, и все. Я пью, когда у меня прекрасное настроение. А сейчас у меня, может быть прекрасное настроение? Как бы не так! Нету у меня такого настроения!

– Хорошо, – говорю, – что вы не пьете. Моя мама очень довольна.

– Ааа... – говорит Ливерпуль, – при чем тут твоя мама... что ты понимаешь...

Старик Ливерпуль идет на крышу. Он там сегодня дежурит. Теперь все дежурят на крышах. На крыше ящики с песком и бочки с водой, и лопаты, и большущие клещи, чтобы хватать этими клещами зажигательные бомбы и топить в бочке с водой. Правда, бомбы пока что не падали, но упадут же когда-нибудь! Для чего же тогда клещи? Вчера Лия Петровна сказала: «Я не могу дежурить, у меня появляется слабость...» Тогда Ливерпуль говорит: «Давайте я буду за вас дежурить». Позавчера тетя Майя сказала: «У меня голова кружится...» Ливерпуль говорит: «Давайте я буду за вас дежурить».

Я бы тоже за всех дежурил. Но мне не разрешают. Детям нельзя на крышу. Мы с Бобой должны сидеть дома, а если тревога, – скорей одеваться, бежать в подвал, то есть в бомбоубежище. Кто захочет сидеть в подвале, когда есть в нашем доме крыша?

Мама моя у Фатъмы Ханум. Они там сейчас беседуют. А я бегу на крышу. Там на крыше старик Ливерпуль. Он будет гнать меня, я знаю, но я не очень-то слушаюсь.

Вон он стоит, освещенный луной. Звезд на небе полно. И прожекторов полно. Небо словно живое – колышется. Где-то гудит самолет. Бьют зенитки. Старик Ливерпуль смотрит вверх на небо. Вот он надевает очки. Опять смотрит на небо. Блестит при луне его лысина. Бородка крючком еще больше загнулась. Я крадусь сзади к нему. Но он слышит мои шаги. Обернувшись, старик Ливерпуль говорит:

– Ну-ка, Петя, домой!

– Вам можно, – говорю, – а мне нельзя?

– Я суровый человек, – говорит Ливерпуль.

– Поймайте меня, – говорю, – если можете.

– И не подумаю, – говорит он.

– Как хотите, – говорю.

– Отца нет, – говорит Ливерпуль, – распустился...

– Вы, – говорю, – напрасно меня гоните, мне здесь больше нравится, чем в душном бомбоубежище. Что там сидеть, не пойму! Немцы, что ли, на нас наступают?

– А ты думал, нет? – говорит Ливерпуль. – Наступают.

– Что-то не видно. Где же они наступают?

– Не дай бог, чтобы ты их увидел.

– Кто их пустит сюда? Никто не пустит. Вот и дядя Али поехал. Они с папой дадут им жизни!

– Дай бог, чтобы Володя вернулся, дай бог, тяжело там сейчас, тяжело...

– Почему он не вернется?

– Нет, он вернется, он безусловно вернется...

– А кошкам зимой не холодно? – спрашиваю я.
– Нет, сынок, не холодно, – говорит Ливерпуль.
– А почему?
– Потому что их шкура греет.
– А у людей, – говорю, – шкуры нет, только кожа...
– Вот еще, – говорит Ливерпуль, – зачем людям шкура?
– Как зачем, – говорю, – очень странный вопрос! Если б я имел кошкину шкуру – не шутки ведь!

– Отстань от меня! – говорит Ливерпуль. – Ты что пристал ко мне с этой шкурой? Какое мне дело до кошек!

Я говорю:

– Верно, зачем людям шкура...

– Отвяжись от меня! Убирайся домой!

Я подождал, пока он успокоится. Он успокоился и говорит:

– Ты ведь знаешь, сынок, у меня болит сердце... иди-ка ты спать, смотри, как зеваешь!

Мне совсем не хотелось спать. Мало ли, что я зеваю?

– Зачем люди воюют? – говорю я.

– Война – несчастье всем людям. Начать войну... Разве есть в этом здравый смысл?

Нет, сынок, в этом нет здравого смысла... А между тем люди – самые развитые существа на земле...

– И я самый развитый?

– И ты, только ты еще мал.

– И дядя Гоша самый развитый?

– Наверно, и он, а как же.

Я хотел еще что-то спросить, как вдруг слышу голос Бобы. Мой брат Боба открыл люк на крышу, но влезть на крышу не может.

– Уйди отсюда! – кричу я.

– Мне интересно! Мне интересно! – кричит Боба.

Я с трудом тащу Бобу домой. Он, как всегда, упирается.

– И я тоже, – кричит он, – хочу тушить бомбы!

Мама еще у Фатьмы Ханум. На крышу уж мне все равно не уйти, Боба следом увяжется. Мы раздеваемся. Ложимся спать.

Я вижу во сне старика Ливерпуля.

...Он стоит одиноко на крыше. А вокруг страшилища. Они хотят съесть Ливерпуля. Это самые неразвитые существа на земле.

Старик Ливерпуль берет клещи.

– Я суровый человек! – говорит Ливерпуль.

А страшилища все наступают.

– Убирайтесь домой! – говорит Ливерпуль.

Он кидается с клещами на страшилищ. Но страшилищ много. Они ползут к Ливерпулю. Куда ни глянь – всюду страшилища.

Я бегу на подмогу. Хватаю ящик с песком. И кидая в глаза страшилищ. Все страшилища ослеплены. Теперь мы победим. Вперед! Ура! Ливерпуль ловит клещами страшилищ – раз-два! – и прямо в бочку с водой! Я ему помогаю лопатой.

– Вот так! – кричу я. – Вот так! Вот тебе! Вот тебе! Всех страшилищ в бочку с водой!..

26. Бетховен! Бах! Моцарт!

– Просто удивительно, – говорит мама, – что нам нечего продать! Как можно было так жить! Вот сейчас война, а нам нечего даже продать! У каждой порядочной семьи, на случай войны или на другой худой случай, безусловно, всегда что-нибудь есть продать. А нам – ну просто нечего, разве только рояль и ноты... Все кругом дорожает, а деньги где взять? Ваш отец виноват, безалаберный был человек, вот кто жить не умел! У Рзаевых сервизы, они могут их продать. А чего только нет у Добрушкиных! У всех есть что продать! Володя не мог жить, как живут умные люди. У каждой уважающей себя семьи есть что продать на случай войны или на другой худой случай...

Я все время хочу обедать. Все время мне хочется есть. Я съел бы сейчас не только борщ. Не только суп и котлеты. Я съел бы большой кусок хлеба.

Хлеб можно купить на базаре. Он очень дорого стоит. Мой брат Боба плачет, когда хлеба нет, – тогда мы идем на толкучку.

Пыль там всегда столбом, и солнце печет, и галдеж – просто жуть! Мы с мамой расстилаем коврик, на коврик кладем наши ноты (папины ноты), и мама кричит:

– Бетховен! Бах! Моцарт!

Втроем мы сидим на коврике.

– Клементи! Клементи! – ору я.

Я теперь не играю Клементи. Я теперь вообще ничего не играю. Когда папа уехал, я, правда, играл, но все меньше и меньше. Мама, правда, ругала меня, а потом перестала. Она просто устала меня ругать. Мама хочет продать рояль, а раз так, то зачем ноты. Все равно мама продаст рояль.

– Бетховен! Бах! Моцарт!

Толкотня-то какая! Мы, правда, неплохо устроились. Мы пришли рано. Расстелили свой коврик. Все, кто рано пришел, расстелили здесь свои коврики. Часто коврик наш топчут ногами. Тогда я кричу:

– Осторожно!

Но в общем-то мы хорошо устроились. Попробуй-ка проходи целый день!

– Клементи! Клементи!

– Сахар! Сахар!

– Кофточки! Кофточки!

– Пирожки! Пирожки!

– Бетховен! Бах! Моцарт!

– Американские штаны! Чистейшие американские штаны из английского материала!

– Не рваная, не новая, отличная рубашка!

– Сто отдашь – пятьсот выиграешь!

– Купите! Купите! Купите!

– Клементи! Клементи! Клементи!

– Бетховен! Бах! Моцарт!

Когда хлеба нет, я не плачу. Вернется мой папа, он мне привезет много хлеба. И мандарины, большие, оранжевые мандарины...

27. Олимпиада Васильевна и мама

Моя мама теперь курьер. Я помогаю маме. Мы вместе с мамой разносим бумажки, разные документы. Боба сидит с Фатьмой Ханум. Целый день разносим бумажки, сдаем почту, ходим по учреждениям. А в воскресенье идем на толкучку. Там мы продаем наши

ноты. У мамы замечательная работа. На работе дают обеды. Можно брать сколько хочешь супов. Мы взяли двенадцать супов! Целая огромная кастрюлька. Мы несем кастрюльку и радуемся. Слышно, как булькает суп. Это суп с лапшой. Мы сольем жидкость и вынем лапшу, а из лапши спечем пышки. Пышек выйдет, наверно, немало. Как-никак – двенадцать супов! Порядочно. Каждому по три пышки. Или же по четыре. По сколько же выйдет пышек?

– Не плескай, – говорит мама, – будь осторожен!

– Дорогу, – кричу я, – дорогу!

Никто не знает, что мы несем. Все думают, это простой обед. А это двенадцать супов! Видел бы нас сейчас папа. «Вот молодцы, – сказал бы он. – Столько супа! Неси, Петя, не выплескай, ну, молодчага, Петя. Я вижу, ты мальчик хороший. Ты помогаешь маме. Ты молодчага, Петя!»

Мы подходим к нашему дому.

Нас ждет Олимпиада Васильевна.

– Здравствуйте – говорим мы.

– Здравствуйте, – говорит Олимпиада Васильевна.

Мы проходим в комнату.

– Вот тут, – говорит Олимпиада Васильевна, – я принесла ребятам...

Мы смотрим на сверток в ее руках.

– Что это? – спрашивает мама.

– Две буханки... вот пусть ребята возьмут... хлеб...

– Две буханки, – говорит мама, – так много... так дорого стоят...

Мы с Бобой берем по буханке.

– Я вам еще принесу, – говорит Олимпиада Васильевна.

Мама. Ну как там Гоша?

Олимпиада Васильевна. Вы скажите мне, как Володя...

Мама. Опять не пишет...

Олимпиада Васильевна. Ну ничего, напишет.

Мама. Беспокоюсь я.

Олимпиада Васильевна. Ну, это вы зря.

Мама. Да вот только несчастье у нас. Мы ноты продали. Свои и чужие. Так вот там были ноты Добрушкиной... вы не знаете Добрушкину... так вот она в суд подать хочет... «Отдайте, – кричит, – мои ноты! Где мои ноты?» А я их продала случайно...

Олимпиада Васильевна. Я одолжу вам денег. Вы ей отдайте, и все...

Мама. Вот спасибо! Но я не могу вернуть скоро... Если вашему сыну, Олимпиада Васильевна, нужно заниматься, пусть он приходит, я кое-что покажу ему, я ведь тоже училась, хотя консерватории не оканчивала...

Олимпиада Васильевна. Спасибо, Валентина Николаевна, он у нас бросил музыку. Не любит он музыку... А вернете потом. Вот приедет Володя...

Мама. Ой, только бы он вернулся... Мой Петя тоже не любит музыку. Они все не любят. Нечего у них спрашивать, нужно учить. А то потом скажет: «Я был тогда ребенком, я не понимал, нужно было меня заставлять». Сейчас-то война, не до музыки...

Олимпиада Васильевна. Может, вы и правы.

Мама. Безусловно права.

Олимпиада Васильевна. Володе привет от меня. Не забудьте. Он золотой человек. Мне ваша семья очень нравится.

Мама. Это правда. Семья у нас хоть куда! Продать нечего...

Олимпиада Васильевна. Нет, вы напрасно...

Мама. Пусть будет напрасно. А что Гоша? Что он не зашел? Мне ваш Гоша нравится. Он такой энергичный!

Олимпиада Васильевна. Наболтал он тогда. Он всегда болтает, болтает, потом говорит: «И зачем я тогда болтал?»

Мама. Чего болтал?

Олимпиада Васильевна. По-вашему, он ничего не болтал? (*Смеется*). Вот видите, а он переживал.

Мама. Что вы, Олимпиада Васильевна! Я просто вас не пойму. Вы меня расстраиваете...

Олимпиада Васильевна. Зачем вам-то расстраиваться? Мне нужно расстраиваться. А вам нечего расстраиваться. Не забудьте привет Володе. Я очень прошу, не забудьте. И не расстраивайтесь...

Мама. А вам-то чего расстраиваться, Олимпиада Васильевна?

Олимпиада Васильевна (*задумчиво*). Когда началась война, мой Гоша отправил все вещи, всю мебель куда-то родным. Он боялся налетов. «Наш город будут бомбить в первый день!» – орал он. А вышло наоборот. Все вещи его там сгорели. Все шкафы разбомбили...

Мама. Какая досада!

Олимпиада Васильевна. Я не за вещи расстраиваюсь. Что мне вещи! Я за Гошу расстраиваюсь. Ну что за человек!

Мама. Он просто ошибся...

Олимпиада Васильевна. Ошибся? Ах он ошибся!

Она надевает перчатки.

– До свидания, Валентина Николаевна, – говорит она. – До свидания, дети. Привет от меня Володе.

28. Я встречаю дядю Гошу

Мы стояли на углу улицы. Дядя Гоша хлопал меня по плечу:

– Вот так встреча! Давно не видать! Ты, Петро, не сердись, небось сердиться? Ты приходи. Я конфет дам.

– Я не сержусь, – говорю, – а конфет не хочу.

– Ну и не сердись. Мал еще сердиться. А я скоро, брат, катану!

– Как катанете?

– Не как, а куда. В бой, конечно, куда же еще! В бой пора, в бой! Ну как отец? Все воюет? Он боевой человек, боевой. Вояка! Ты письма-то пишешь отцу? Ты пиши ему письма. Отец ведь. Скажи: так, мол, и так, встретил Гошу... А мать как? Ничего, жива? Мда... Вот такие дела, а я скоро отправлюсь... Мы ведь с тобой мужчины. Защита Отечества есть что? Есть священный долг. Не так ли? Мы понимать должны. А разве мы не понимаем? Мы все понимаем. И то, что отступают наши. И то, что германец давит. Когда я плывал на голубке «Куин Мери»...

– Это вы рассказывали, – говорю.

– Неужели рассказывал? Значит, запомнил. Так вот. Долг есть долг. Мы должны выполнять свой долг. В бытность свою моряком помню случаи... лианы, магнолии... то есть мы, значит, крепко застряли...

– Где застряли?

– Известно где, на мели – где же можно застрять! – и ни с места. Тогда капитан говорит (старый волк был!): «Всю команду на мель! – говорит. Ну, мы все вышли на мель. И стоим на мели. Все по горло в воде. А нужно сказать, вода – лед. „Толкать корабль!“ – кричит капитан. И представь себе, парень, мы взялись и поднажали как следует, и наш корабль пошел... Сила, брат, коллектива! А если мы будем сидеть сложа руки, что будет? Что будет тогда, мой друг? Тем более если война. И защита Отечества?

Все время он хлопал меня по плечу. Даже мне больно стало. Все хлопает, хлопает.

– Неправда, – говорю, – что большой корабль с мели столкнули. Разве такое может быть?

– Я разве сказал, что большой корабль? Кто сказал, что большой корабль? Корабль был не большой, но порядочный. Ты мне, что, не веришь? Мал еще старшим не верить!

Я молчал.

– А у меня, брат, несчастье, – сказал вдруг он. – У меня большое несчастье.

– Слышал я про ваше несчастье.

– Ты слышал? Где ты слышал?

– Слышал, и все.

– Где ты мог слышать?

У него был испуганный вид.

– Все говорят, – соврал я.

– Не может быть!

Он сильно расстроился. Стал какой-то печальный. Мне даже его жалко стало.

– Никто не говорит, это я так.

Он на меня покосился и говорит:

– Как тебе не стыдно! Дурацкая привычка!

Мне совсем не было стыдно. Но я молчал. Я думал, если я буду молчать, он скорее кончит рассказывать. Я мог и так уйти, но как-никак он разговаривал.

– Мда... – сказал он, задумавшись. Потом вдруг махнул рукой: – Ну, беги домой...

29. Карнавал

В зале стоит наша елка – большущая, яркая. Занятий сегодня не было. Потому что вечером праздник – большой карнавал. У кого есть костюмы – наденут костюмы. У кого нет – так придут. Я люблю карнавал. Все вокруг ходят в масках, интересно! Только жалко, что редко бывает. Целый год ждать приходится.

Когда мы выходили из класса, Пал Палыч меня подозвал и сказал:

– У тебя, Петя, есть костюм?

– Нет, – говорю, – у меня нет костюма.

– Школа тебе даст костюм. Я там сейчас смотрел, есть чудесный костюм.

Я обрадовался! Еще бы! Мне школа даст костюм, и я приду в костюме!

– А какой, – говорю, – костюм?

– Костюм замечательный, – говорит Пал Палыч, – настоящего клоуна. И жабо и все такое.

– Какое жабо? – говорю.

– Ах, ты не знаешь, что значит жабо! Это, Петя, такой воротник, как у клоунов, да ты сейчас увидишь...

– Ой, – говорю, – я хочу жабо!

– Ну и чудесно! Пошли за мной.

Мы прошли с ним в кладовую. Пал Палыч выбрал костюм – вот это был костюм! Первым делом – колпак, весь в серебряных звездах. Вторым делом – штаны, не какие-нибудь штаны, а все в клетку, как будто бы шахматы. И еще куртка в красных кругах. И жабо. У меня прямо дух захватило, когда я жабо увидел. Вот это я понимаю – жабо! Хоть сейчас прямо в цирк выступать. Я цирк люблю. Люблю циркачей и военных! Даже трудно сказать, кого больше. Но циркачей я люблю, это точно. Когда вырасту – в цирк пойду, буду работать там клоуном. Буду знаменитый клоун. Как наш знаменитый Горхмаз. Правда, он не совсем знаменитый. Ему весь цирк хлопает...

– Ну как? Не велик? – говорит Пал Палыч.

– Что вы, – говорю, – как раз! – Я испугался, что вдруг он мне будет велик и мне не дадут его.

– Ну, я очень рад. Забирай свой костюм. Ты ведь знаешь, когда начало?

Конечно, я знал, когда начало. Как можно не знать!

Я забыл даже сказать спасибо.

Когда я надел дома костюм, и жабо, и колпак и стал смотреть в зеркало, я стал строить рожи, кривляться, смотрел и смотрел на себя, удивляясь все больше, какие замечательные бывают на свете костюмы!

Я обедал в костюме. Даже колпак не снял, так в колпаке и обедал.

– Сними малахай-то свой, – сказала мама.

Она про колпак так сказала.

Я все быстро съел и колпак не снял.

Потом я вышел во двор. Мой костюм всех поразил. Правда, кто-то сказал из окна:

– Да ты что, одурел! Ведь зима на дворе!

Но я не обратил внимания. Мне совсем не было холодно. Я ходил, высоко подняв голову. За мной шли братья Измайловы. Весь двор смотрел на меня.

Я еще долго ходил бы. Не так уж мне холодно было. Но мама взяла меня за руку и притащила домой.

Весь день я не снимал костюм. Выступал перед мамой, кривлялся, прыгал через скамейку, снимал колпак и становился на голову. Что я только не делал!

В три часа я надел пальто, шапку, колпак взял под мышку и вышел.

У входа в школу надел маску. Никого еще не было. Я пришел раньше всех.

Я ходил по школе. По этажам, по всем лестницам, по пустым классам.

В одном классе была тетя Даша. Она убирала класс. Тетя Даша меня не узнала. Еще бы! Ведь я был в маске. Но костюм ей, наверно, понравился. Потому что она улыбнулась.

Я стоял и стоял в дверях. Может быть, что-нибудь скажет, похвалит костюм. Тогда тетя Даша сказала: «Иди, милый, отсюда, гляди, пыль какая...»

Я пошел в зал, где елка. Там уже было много ребят. Играл оркестр. Летел серпантин. Пели песни. Карнавал уже начался. Каких только костюмов не было! И Буратино с длинным носом, и три мушкетера, и Золушка, и Карабас Барабас, и казак в бурке. Правда, бурка была из картона, зато шашка что надо! Как настоящая шашка. Шашка тащилась по полу, а сам казак ходил осторожно, чтоб бурка с него не свалилась, он все поправлял ее. Потом в зал въехал конь со всадником. Я вовсю смеялся. Тем более что тот, кто был лошадей, вдруг маску снял и сказал: «Мне так не видно!» И мы все узнали Гришаткина. Вот так лошадь! А тот, кто сидел на Гришаткине, слез с него и говорит: «Эх ты, Колька, не мог потерпеть! Может быть, нам бы премию дали!» Но маску не снял, и мы его не узнали. Гришаткин встал и ушел, а всадник за ним пошел. Ну, смеху было!

Пал Палыч увидел меня и спросил:

– Ну как?

– Очень смешно, – говорю.

Кто-то сказал Пал Палычу:

– Подумать только: где-то война, а здесь все своим чередом...

Я пошел казака искать.

Народу еще прибавилось. Я не нашел его сразу. Вдруг слышу, кто-то зовет меня. Да это же сам казак! Мишка, сын дяди Гоши! Я по голосу сразу узнал.

– Это ты? – говорит. – Ишь ты какой!

– Я, – говорю, – знаменитый клоун! Сын Горхмаза!

Он говорит:

- А я знаменитый казак! Ты мою шашку видел?
- А это видел? – говорю. – Жабо!
- Жабо?
- Вот именно, – говорю. – Жабо, а не что-нибудь!

Он засмеялся и говорит:

- Жаба! Жаба!
- Не жаба, а жабо! – говорю. – Дурак ты!
- Как ты смеешь мне так говорить! – и за шашку хватается.

Потом мы помирились, и он говорит:

- А ну покажи жабо! Хорошее жабо.
- А у тебя, – говорю, – шашка хорошая. Мне твоя шашка нравится.
- Да бурка у меня неважная, все время валится. Поплясать хочется, а нельзя. Можно

только ходить, и то медленно...

- Да сними ты ее, – говорю, – и все!
- Какой же тогда, – говорит, – я казак буду!
- Был, – говорю, – казаком, и хватит.
- А ты жабо свое снимешь?
- Зачем мне жабо снимать, если оно не мешает.
- Как хочешь, – говорит, – а я свою бурку сниму. Надоела мне бурка!

Он отдал ее первокласснику. А тот ее бросил. Тогда он позвал Золушку и говорит:

- Вот тебе, держи...

И мы с ним побежали к елке.

У меня стало такое хорошее настроение! Мы так плясали, что даже игрушки попадали. Не все игрушки попадали. Но две-три игрушки упали. Потом их обратно повесили. А какие мы пели песни! Мы пели: «Елка, елка, зеленая иголка», и «В лесу родилась елочка», и «Елки, елки, какие елки!», и «Новый год, новый год, много счастья принесет»...

Веселый был карнавал!

Обратно мы шли вместе с Мишкой. Он мне про отца рассказывал, про дядю Гошу. Про то, что он хочет уехать куда-то, совсем в другой город, поскольку он здесь засыпался, а как засыпался, Мишка не знал, он только знал, что засыпался. А мать его ехать не хочет. Поскольку она не засыпалась. А Мишка ждет не дождется. Он путешествовать любит.

Мы всю дорогу смеялись. Карнавал вспоминали. Столько я никогда не смеялся. Я про все на свете забыл. Я даже забыл снять колпак. Так и шел в колпаке.

Радостный, я вбежал в комнату. Я все не снимал колпак. С него стекала вода. На улице шел мокрый снег. На столе я увидел записку. Не записку, какую-то просто бумажку. Я стал читать:

...Войсковая часть № 15/40 извещает вас, что ваш муж геройски погиб в боях под Москвой... числа... года. Похоронен в деревне Дубки...

.....

30. 1 января

...Папа мой украшает елку. Сначала мы украшали все вместе – я, мама, Боба и папа, потом мы пошли спать, а папа остался. Он ходил вокруг елки на цыпочках и говорил сам с собой. Но я слышал, что он говорил, хотя он говорил очень тихо, я видел его и слышал: «Вот этот заяц пойдет сюда, нет, пожалуй, сюда... а вот этот шар перевесим вот так... ну, а это уже никуда не годится – три шара вместе! Куда ни шло – два, не три же! – Мы их перевесим...» – «Иди спать», – говорит ему мама. «Спите, спите, – говорит он, – я хочу шар перевесить. И вот эту грушу...» Потом он садится на стул, смотрит на елку...

Это было в прошлом году.
Больше я не увижу папу.
Мой папа убит.

Мне казалось, война – это что-то такое, где палят пушки и мчатся танки, и падают бомбы, и ничего не случается. Просто пушки палят, танки мчатся, бомбы падают, и ничего не случается. Кричат «ура» и побеждают.

Я стою на балконе. Гляжу сквозь ветки на улицу. Вижу снег, и людей, и машины, и мне кажется, я жду папу... Вот сейчас выйдет он из-за угла...

Но мой папа убит.
Папа мой похоронен.
Я ухожу с балкона. Тревога. Воеет сирена.
Мама, Боба, я идем в бомбоубежище.

31. Последняя глава (Через пять лет)

– Папа! Папа! – кричали братья Измайловы.
Дядя Али пришел с войны. Сверкали его ордена и медали.
Он обнял меня.
Потом он обнял маму.
– Прошу всех на крышу! – сказал Ливерпуль.
Все пошли на крышу.
Была победа. Салют. Радость. Цветы. Солнце. Синее море...
– Ура! – орал Боба. – Ура!
Возвращались домой солдаты.
Но мой папа, мой добрый папа, он никогда не вернется...

Полосы на окнах

1. Затемнение

Мы с мамой завесили окна. Потом зажгли свет. Сейчас нужно завешивать окна. Сейчас война.

Наш город в затемнении.

Не видно сверху нашего города.

Вдруг в дверь заколотили, да с такой силой, будто несколько человек сразу колотят в нашу дверь, так оно и было. Вошел управдом и соседи.

Мой маленький брат Боба захотел их напугать, внезапно выскочил перед ними и зарычал, но они на него внимания не обратили.

– Что-нибудь произошло? – спросила мама. – Что-нибудь случилось?

– Тушите свет! – закричал управдом. – Скорее тушите свет!

Мама руки в боки и говорит:

– С какой стати? И не подумаю!

– Скорее тушите, вам говорят! – он щелкнул выключателем, и все оказались в темноте.

– В чем дело? – возмутилась мама.

– Поглядите, что у вас творится!

– Ума не приложу, – сказала мама, – что у нас может твориться?

– У вас щели, – сказала Ханум Измайловна, – вот такие щели! Настоящая сигнализация вражеским самолетам!

Отец мой на фронте, а у нас сигнализация?! Это уж слишком. Семья фронтовика сигнализирует вражеским самолетам, получается?

– На окнах у нас матрасы, – говорит мама, – они свет не пропускают, не болтайте ерунду!

– Узкие у тебя матрасы, соседка, – сказала Ханум, – понимаешь – узкие.

– У меня узкие матрасы? – возмутилась мама. – Это у вас узкие матрасы!

– Посмотри с улицы на свои окна, соседка. Сходи на улицу и посмотри. Такие щели! Вот такие щели!

В темноте не было видно, какие она показывала щели.

– Обсудим все спокойно, – сказал старик Ливерпуль. – Раз нету света, не надо торопиться. Все устроим. Никому ведь ничего не угрожает в данную минуту. Обо всем поговорим по порядку. Дела дневные позади, и спешить нам сегодня некуда. Не такой уж это сложный вопрос, чтобы спешку устраивать, в самом деле...

– Развел антимионию, – сказала Мирзоян, – всегда навеселе и заводит антимионию.

– Да погодите вы, – сказал управдом. – Сейчас не время разногласиям. Нужно быть начеку. За светом следить внимательно. Ни щелочки света, понятно? Так что ликвидируйте просветы.

– Ликвидируем, – сказал я. Мне это слово понравилось.

– Хорошо, – сказала мама, – я повешу по бокам одеяла.

– Вешайте что хотите, – сказал управдом, – это ваше дело.

– Ай, соседка, – сказала Мирзоян, – на чем же вы спать-то будете?

– На чем все спят, – сказала мама.

– Все постели повесите и тогда как?

– А что же мне еще вешать?

– Что-нибудь другое.

– Откуда же я возьму другое? Выкручиваемся как можем.

– Мы тоже выкручиваемся, – сочувствовали соседи.

– Кручусь и верчусь, – сказала мама.

– Все крутятся и вертятся, – поддерживали соседи.

– На чем же вы все-таки спите? – не отставала Мирзоян.

– С окон снимаем и спать ложимся.

– А потом?

– Потом снова приколачиваем.

– Так каждый день и приколачиваете?

– В матрасе уже полно дырок. Остается только повесить на гвозди. Мы люди не богатые и не гордые.

– А вы сказали: приколачиваете, – вмешался Ливерпуль.

– То вешаем, то приколачиваем, – говорит мама.

– Бедные матрасы, – посочувствовал Ливерпуль, – навряд ли они войну продержатся.

– Вся жизнь у людей изменилась, даже вещи не на своих местах оказались, – сказала Мирзоян.

– И беседуем во мгле, – сказал Ливерпуль.

Дверь была не заперта, и кто-то вошел к нам на веранду.

– Эй, кто здесь есть? – закричали с веранды.

– Что там опять такое? – спросила мама.

– Ваш пятилетний сын по улицам разгуливает, – ответили с веранды.

– Ах, вечно он сбегает, – спохватилась мама, – вечно он в движении!

«...Кручусь я и верчусь. И ничего не видно!» – распевал Боба на веранде.

Мама уже была там.

– Я вообще не люблю ничего плохого, – объяснял Боба, – когда темно, когда нет света и когда ничего не видно.

– Можно подумать, что он один всего этого не любит, – отвечала мама из темноты коридора.

– Я ходил искать свет, – оправдывался Боба.

– И нашел? – насторожился управдом.

– Нигде нету света, – сказал Боба.

– Вот видите, кругом порядок! – сказал управдом.

– Тогда дайте мне красную повязку, – сказал Боба.
Старик Ливерпуль сорвал свою повязку дежурного и повязал Бобе на рукав.
Даже в темноте было заметно, как Боба загордился. «Завтра я у него эту повязку отберу», – подумал я.
Расходились соседи. Свалили стул с грохотом. Кто-то ушибся.
Мы сняли наши матрасы.
Окна были раскрыты, и небо черное.
На улице ни огонька.
Мне не спалось.
Было душно. Бродил в небе слабый прожектор.
«У всех свое затемнение, – думал я, – у каждого по-своему».
У старушек Добрушкиных ковры висят.
У Груниных шторы.
У Мирзоян фанера.
У дяди Миши картон.
У Фалалеевых рекламные противопожарные щиты.
У старика Ливерпуля доски, остаются щели, и его несколько раз предупреждали.
У дяди Гоши окна завешены шальями, и меня всегда интересует, откуда он набрал столько шалей.
У Алиевых одно окно, они к нему прислоняют шкаф. Не лень людям шкаф двигать каждый вечер. Зато никогда в жизни осколки им в комнату не влетят, как они уверяют.
У Измайловых блестящая плотная бумага, все спрашивают, откуда они ее достали, а папа Измайлов улыбается и говорит: «В универмаге до войны». Все удивляются, как он мог знать, что начнется война и ему понадобится эта бумага. Он отвечает, что купил ее для совсем другой надобности, но не успел использовать. Тогда спрашивают, для какой надобности он ее купил и почему не успел использовать.
Оказывается, он собирался оклеить стены своей веранды, но все откладывал.
А теперь ждет окончания войны, чтобы снять ее с окон и оклеить веранду. С завистью смотрят на его практичное, недорогое затемнение.
Все хотят иметь красивое и практичное затемнение.
Я тоже жалею, что мы не купили раньше такой бумаги и теперь нам приходится вывешивать матрасы.
Боба спит с красной повязкой. Даже во сне лицо у него довольное и гордое.
...Рано утром влетели к нам братья Измайловы, у каждого по рулону.
Рамис, Рафис, Расим, Раис промчались в нашу комнату как конники, размахивая рулонами. Ни слова не говоря, оставили свои рулоны и умчались.
– Порядочно у них бумаги, – сказал я, – на две семьи.
Мой брат Боба схватил рулон, но мама отняла.
– Спасибо соседям, – сказала она. – Обращайтесь с бумагой бережно. Сегодня мы сделаем шторы. А когда кончится война, нашим соседям эта бумага понадобится, чтобы оклеить веранду.

2. Герои

– Советский летчик таранил самолет! – заорал я, вбегая в комнату.
– Зачем же так орать? – сказала мама.
– Он ночью таранил! – орал я.
– Представляю, – сказала мама.
Ничего она не представляла.

Я размахивал газетой:

– Как даст фашисту в хвост! Винтом как врежет р-р-раз! Бац по хвосту! Тот по-ошел вниз...

Раскрыв глаза, смотрел на меня Боба. Он тоже ничего не представлял.

Ведь я собирал все газеты. Я знал всех героев. Я знал их в лицо по портретам. Я очень любил их.

Не мог я пропустить ни одной газеты. Не могло такое произойти.

И все же происходило.

– Одной газеты у меня сегодня не хватает, – сказал я, – в нашем ларьке она кончилась.

Где-то нужно найти.

Мама к этому привыкла. А Бобе все равно.

– Попроси у соседей, мама, может быть, у них есть эта газета. Если у них ее нет, придется искать в другом месте.

– Неужели нельзя обойтись без одной газеты?

– Никак нельзя.

– Спроси сам.

– Но мне могут не дать.

Мама идет за газетой и возвращается ни с чем.

– Я так и знал, – говорю. – Такую газету никто не даст. Первый в мире таран. Представляешь? Ночной. Отрубил немцу хвост. Вот герой! Нет, такую газету никто не даст, нечего и просить.

– Если бы она у них была, они бы дали, – говорит мама.

– Никто бы не дал. В этом я убежден.

– Ну, зачем она им, для чего? Никогда бы они не стали из-за газеты портить отношения.

– Ничего ты не понимаешь, мама. Из-за такой газеты можно портить отношения. Если бы ты представляла...

– Газеты, газеты... – говорит мама. – Зачем тебе столько газет?

– Ведь он срезал немцу хвост!

– Ох, эти газеты, – вздыхает мама, – кругом война...

– Не искал бы я эти газеты, если бы там войны не было!

– Понятно, – говорит мама.

Ничего ей не понятно.

Я выскочил на улицу. Сел на трамвай.

– Посмотрите хорошенько, – попросил я в киоске у бульвара. – Неужели не осталось?

– Сейчас посмотрим хорошенько, – продавец знал меня. – Нет, нету, – сказал он, – ни одной нету.

– А может быть, есть?

– Не может быть, раз нету.

– Как жаль, – сказал я, – неужели нету?

– Что за газета? – спросил кто-то.

Собрались люди, и все интересовались, что особенного в газете, которую я так ищу.

– Советский летчик таранил самолет, – сказал я, – он срезал немцу хвост.

– Замечательный летчик, – сказал продавец.

– Я и сам знаю, что замечательный; значит, у вас нет газеты? А где она может быть, вы не знаете?

– Поищи, дорогой, где-нибудь может быть. Непременно где-нибудь есть, нужно поискать.

– Важные сообщения? – спросил кто-то.

– Ночной таран, – сказал я, – срезал немцу хвост.

– Как то есть срезал?

– Вот так – вжик! – и я показал рукой, как это делается.

Все стали обсуждать ночной таран, а продавец сказал:

– Заглядывай почаще.

– Мне нужно сегодня, – сказал я.

– У меня дома есть эта газета, – сказал один старик, – но я сейчас домой не собираюсь.

– А когда вы собираетесь?

– Не скоро.

– Не надо мальчонку расстраивать, – сказал продавец, – если вы домой не собираетесь, незачем об этом говорить.

– В конце концов пойду же я домой, но не сию минуту.

– Я подожду, – сказал я.

– Первый раз вижу, чтобы человек так газету искал.

– Я же вам объясняю: летчик Талалихин таранил самолет, разве этого мало?

– Он твой родственник, что ли? – спросил старик.

– Если бы он был мой родственник, я бы до неба подпрыгнул.

– Я бы тоже подпрыгнул, – сказал старик.

– Ну вот видите!

– Придется идти за газетой, – сказал старик. – Я хотел посидеть на лавочке, но разве можно отдыхать, когда тебе нужна газета.

– Я посижу с вами сколько хотите, – сказал я.

– Не уверен, что тебе интересно со стариком сидеть, – сказал он, – вперед – за твоей газетой!

Я ему рассказывал по дороге:

– Все газеты с портретами Героев, а у меня ни одного, даже самого дальнего родственника Героя нет. Я и сам на фронт сбегал, да толку что? Ничего из этого не получилось. В поселке Монтина меня ссадили и обратно на трамвае привезли. Представляете, поезда там обычно не останавливаются, а этот остановили...

– А где отец? – спросил старик.

– Известно где, на фронте.

– Может, он уже давно Герой, пока ты тут страдаешь.

– Может быть. Вот и смотрю в газетах, но пока нету. Неизвестно ведь, когда будет. Еще до войны увидел я на нашей улице Героя с Золотой Звездой. Я забежал вперед и всю глазею на золотую звездочку, мешал ему идти, под ногами верчусь и все глазею, глазею... Он остановился и спрашивает: «Чего тебе?» Я будто онемел: на звездочку уставился и не отхожу. Тогда он слегка приподнял меня, осторожно отодвинул в сторону и пошел дальше. Но я опять за ним побежал, как вдруг, представляете, выходит из-за угла навстречу ему здоровенный дядька – и тоже Герой! Они обнялись, поцеловались и дальше вместе пошли. Вместе сразу два Героя! Встретил сразу двух Героев Советского Союза до войны на нашей улице! Не верите? Клянусь! Вот встреча, а? Только я их фамилии не знаю.

– Верю, верю, – сказал старик, – отчего не верить.

– Я шел за ними, шел, а потом неудобно стало, сколько можно... Скорей всего они были старые друзья, а вы как думаете?

– Наверно, старые друзья, – сказал старик, – пожалуй, так оно и было. Воевали вместе в Испании или летали в Америку через Северный полюс.

– Удивительная была встреча, до сих пор вспоминаю.

Старик согласился, что встреча действительно была удивительна, такого видеть ему до войны не приходилось. Вот окончится война, наглядится он на своих сыновей-героев...

На крыше военкомата устанавливали зенитки. Милиция разгоняла любопытных, а они не уходили. Еще бы! Залезть бы на крышу, на ночь спрятаться и дождаться вражеских самолетов. Начнут палить, а я тут как тут, сын фронтовика, подношу зенитчикам снаряды...

Старик с улицы позвал жену, она вышла на балкон и долго не понимала, что от нее требуется. Потом кивнула головой и вынесла газету. Газета полетела как птица, и я помчался ее ловить. Но оказалась не та газета.

– Найдем, найдем, – сказал старик, – вечно старуха путает.

Он опять стал ее звать, но она не появлялась.

– Придется подняться, – сказал старик.

Мы поднялись, и старик сказал:

– Мальчонке нужна другая газета.

– А зачем она ему? – старуха посмотрела на меня.

– Она ему просто необходима.

– А для чего?

– Ну, это его дело, – сказал старик, проталкивая меня в комнату.

– Я все газеты собираю с первого дня войны, – объяснил я, – ни одной пока не пропустил. А сегодняшний номер особенный, я за ним и гоняюсь.

– А чем он особенный? – спросила старуха.

– Ну как же! – Газета лежала на столе, и я показал ей летчика. Она все поняла и погладила меня по голове. Она все понимала.

– Непорядок у него насчет родственников, – сказал старик.

– А что у него с родственниками? – спросила старуха.

– Ни одного Героя нет, – сказал старик.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

– У нас трое сыновей на войне, – сказал старик. – Мать все газеты просматривает, вроде тебя. Следит за позициями войск по карте, пытается узнать, где сыновья находятся, да разве узнаешь.

Старуха вытащила карточки сыновей, и я восхитился, сколько у них орденов. Вот все трое в обнимку. Вот отдельные фотографии. Вот братья совсем малыши.

– Про наших сыновей писали, – сказала старуха с гордостью, – кто-то взял газету, а потом не вернул.

Я спросил фамилию и вспомнил. «Отважный экипаж» – называлась заметка. Такие вещи я крепко запоминал. У стариков газета не сохранилась, и я обещал принести.

Теперь у меня все газеты. Одну дам старикам, и опять получается, что одной у меня все-таки не хватает.

Ну и пусть.

3. Звездочка

Я выпилил маленькую звездочку Героя Советского Союза из большого куска бронзы. Лежит она в старинной бархатной коробочке, как золотая. Откроешь крышку, а она сверкает и переливается. Сколько дней потратил я на эту звездочку, сколько часов! Попробуйте выпилить граненую звездочку из большого куска бронзы! Такую нигде не купишь, нигде не достанешь, ни на что не выменяешь.

– Ты читала про дядю? – спросил я маму, любуясь звездочкой.

Никто не мог читать о моем дяде, которого на свете не было. Я просто его выдумал, соварал, но войдите в мое положение, посочувствуйте человеку, у которого непорядок насчет родственников... Несуществующего дядю наградил я звездой Героя, но разве здесь большой обман? Любой из нас станет Героем, а значит, обмана здесь нет. Если нет мне возможности

стать Героем, значит, это единственная возможность. В семье должен быть порядок, в семье должен быть Герой.

Вот так рассуждал я, поглядывая на маму, а она возилась у плиты. Не очень-то она меня слушала, да это и неважно. Я сам хотел в дядю поверить, сам слушал себя, вот что важно. Я хотел, чтоб он был в самом деле.

- Что это еще за дядя? – удивилась мама.
- Не читала? – спросил я, волнуясь.
- Ну и что же ты вычитал?
- То и вычитал.
- Так что же?
- А вот и то.
- Странные у тебя выходки, – сказала мама, – о чем ты?
- Потом, – сказал я и быстро ушел с кухни.

Мы сели за стол, и мама спросила:

- Что это ты там плел?
- Что значит плел? – обиделся я. – Это правда.
- Так в чем там дело? Что там за дядя?
- Дядя как дядя, – отмахнулся я.
- Ну, а все-таки? – не отставала мама.
- Мой дядя, а не твой, ясно? – разнервничался я.
- С ума сошел, – сказала мама.
- Дядя, и все! – крикнул я, закрыв глаза от волнения. – Могла бы и прочесть!
- Ну, хорошо, – сказала мама, – пожалуйста, я просто думала, что-нибудь серьезное.
- Конечно, серьезное! Очень серьезное!
- Представляю, – сказала мама.

Ничего она не представляла.

Я встал из-за стола. Маячил у меня перед глазами прославленный дядя. В руке я сжимал свою звездочку, и острые края впивались мне в ладонь. Я увел Бобу в другую комнату и показал ему звездочку.

- Дай! – сразу сказал Боба.
- Ты погоди, – сказал я.
- Отдай! – заорал он.

Я спрятал звездочку в карман и рассказал ему про дядю. Я сочинил для дяди биографию, и Боба меня слушал внимательно.

- Все понял? – спросил я.
- Все, – сказал Боба.
- А что ты понял?
- Мой дядя Герой Советского Союза.
- Где он раньше жил?
- В Ленинграде.
- А сейчас?
- Не знаю.
- Сейчас он на фронте, балда, чтоб ты знал.
- На фронте, – повторил Боба.
- На каком?
- На нашем.
- На Ленинградском, балда, чтоб ты знал.
- На Ленинградском, – повторил Боба.
- Знаешь, какие у него ордена?

– Не знаю.
Я перечислил. Многими орденами наградил я дядю.
– Повтори, – сказал я.
Но Боба отказался.
– Ты должен знать, сколько орденов у твоего дяди.
– Много... – сказал Боба.
– Вот и хорошо, что много, родной ведь человек.
– Не помню... – ныл Боба.
– А где жил твой дядя, помнишь? – возвратился я к началу.
– Забыл, – сказал Боба.
– Дубина ты, своего родного дядю не знаешь!
– Не хочу твоего дядю... – заплакал Боба.
– Он такой же мой, как и твой!
– Мне дядю не нужно... – ныл Боба.
Я показал ему звездочку, и он сейчас же к ней потянулся.
– Да знаешь ли ты, чья это звездочка? – сказал я.
Он не знал.
– Дядина, – сказал я.
– Мама! – заорал Боба. – Опять дядя?
– Молчи ты, пойми наконец...
Нет, он не понимал. Не мог понять мой брат Боба, что значит для меня дядя...
– Отстань от малыша, – вмешалась мама.
– С такой памятью он далеко не пойдет! – разозлился я. – Ничего из него путного не выйдет! Нужно тренировать свой ум!
– Чего он от тебя хочет? – спросила мама Бобу.
– Дядю хочет... – всхлипывал Боба.
– Объяснишь ты мне наконец, что это за мифический дядя и чего ты хочешь от ребенка?
– Я хочу, чтоб он был умный.
– Он не глупее тебя.
Боба подбежал ко мне и шепотом спросил:
– Отдашь звездочку?
– Дам только подержать, – сказал я. – Такую звездочку даже подержать почетно.
– Дядя родился в Ленинграде! – вдруг выпалил Боба.
– Не совсем, оказывается, тупица, – сказал я.
Бобу словно прорвало:
– Два ордена Красного Знамени, два ордена Красной Звезды...
– Молодец! – сказал я.
– ...три медали «За отвагу», три медали «За боевые заслуги»... – шпарил он без запинки.
Мама взяла Бобу за руку, он вырвался.
– Гвардии майор!!! – орал он откуда-то уже с веранды. – Родился в Ленинграде! А сейчас на фронте!!!
Я догнал его, сунул ему под нос звездочку и спросил:
– Чья это звездочка?
И Боба сказал:
– Папина.
Такого ответа я никак не ожидал. В это время завывла сирена, и мама стала быстро одевать Бобу и велела мне переодеться. Несколько раз уже были тревоги и все учебные. Я не спешил, а мама торопила. Сирена выла все сильнее и сильнее. Я думал, как бы сбежать

– поглядеть, что творится на улице в это время. На лестничной площадке собрались все соседи. Некоторые были с узелками, а семья дяди Гоши с подушками. Дежурный повел за собой всю компанию. Я держал за руку Бобу, и он подвывал сирене.

– Верно ты сообразил, – сказал я Бобе.

Он прекратил выть.

– Чего сообразил?

– Звездочка, конечно, папина, – сказал я, – при чем здесь дядя.

Сирена продолжала выть.

Я протянул Бобе теплую, согретую в ладони звездочку и задумался о своем папе, которому неизвестно как сейчас приходится...

4. Оружие

Когда я узнал, что в Кишлах на свалке груды оружия, я спать не мог. Оказывается, привозят с фронта разное трофейное оружие и сваливают в кучу у завода в Кишлах. Доехать до Кишлов на электричке, а там свалка в двух шагах. Не спалось мне в эту ночь, представлялись мне разные карабины, пистолеты, автоматы, бомбы, снаряды, просто не верилось, что там такие вещи запросто валяются. Настоящее ведь богатство! Склад оружия, груды вооружения. Пусть старое, негодное, но ведь исправить можно! Да я бы все на свете отдал, только б мне эти штуки приобрести, кто об оружии не мечтает? Да я по разным пулям, гильзочкам с ума сходил, а тут невообразимо! Всю эту груды, говорят, собираются переплавить. Да мне бы чуточку, совсем немного, старенького оружия, пока его не переплавили. Выберу себе кое-что, а там, пожалуйста, переплавляйте. Мои автоматика, пистолетика, карабинчики, винтовочки, я вас в порядок приведу, исправлю. Достану себе оружие, пусть только немцы сунутся! Лягу у порога с автоматом, пусть только появятся! Шквальный огонь по фашистам, смерть немецким оккупантам, не войдут они в нашу квартиру! «Внуки Суворова, дети Чапаева, бьемся мы здорово, колем отчаянно!» – отличный плакат висит на стене с отличными словами! Отчаянно буду палить без передышки по врагу, идет священная война! Разгромим и уничтожим вражеское отродье! Наше дело правое, враг будет разбит!

Лежу и дрожу в своей постели от нетерпения оружие достать, будто у меня лихорадка или что-то вроде. В школу утром не пойду, какая может быть школа! В нашем школьном музее один автомат ржавый да три лимонки старые без всяких запалов. Пулеметная лента да каски. Для школьного музея постараюсь, неужели непонятно? С музеем поделюсь, не жалко. Еще мне спасибо скажут. Вполне можно в школу не явиться ради того, чтобы музей обогатить. Встречусь утром с Вовкой – и туда! С ума я схожу по трофейному оружию. Рвется враг к нашему городу, нельзя быть человеку без оружия, будет у меня свой автоматик-пистолетик-пулеметик!

Утром мама уходила на работу, старалась не шуметь. Убрала затемнение, и я зажмурился от света. Я давно не спал. Захлопнулась за мамой дверь, а глаза у меня сами закрылись. Жуть захотелось спать. Но я встал, открыл входную дверь, чтоб Вовка мог войти, и завалился. Мне снился сон, будто я охраняю склад оружия, а тут фашисты налетели. Такая заварушка началась! Отбиваю атаку за атакой, оружия у меня полно, подходите, гады, будет вам за все! Фашисты наседают, я держусь, на подмогу мне спешит отец с Золотой Звездой, трое братьев – отважный экипаж на своем танке... В это время меня Вова разбудил. Я сначала его за фашиста принял. Потом увидел у него портфель и спрашиваю, зачем же он с портфелем явился, если мы на свалку собираемся, а не в школу. «Как же я, – говорит, – без портфеля из дома выйду, соображаешь?» В общем, я спросонья не сообразил.

Стал одеваться, а Боба мне какой-то листок сует. Что это? А он, оказывается, свастику начирикал, пока я спал, и мне протягивает. С плаката срисовал.

– Да ты что, – говорю, – спятил, такие вещи рисовать? Ты знаешь, что это такое? Омерзительная, ненавистная зараза! Фашистский знак! Только предатели рисуют вражеские знаки! За это знаешь, что нужно сделать?

Он задумался и говорит:

– Чего?

– За это, – говорю, – не знаю, что можно сделать!

Поддали ему, чтобы знал.

Кое-как его одели с Вовкой. Каждое утро его одевать одно мученье. Там нас оружие ждет, а он тут безобразничает.

...Сразу же за станцией я увидел мальчишек и ахнул. Они носились с криками и воплями, играли в войну, но не это меня поразило. В руках у них были настоящие немецкие трофейные пистолеты-пулеметы!

– Самое лучшее, наверное, растаскали, – сказал я, волнуясь, – какие у них автоматика, ты видишь?! Да где же здесь свалка?

Вовка не знал, где свалка.

– Эй! – закричал я ребятам. – Подойдите-ка сюда! Подойдите-ка на минуточку!

Двое подскочили с автоматами.

– Эти штуки стреляют? – спросил я.

– Это «шмайсер», а не штуки, – сказал один.

Другой объяснил, что автомат испорчен, все автоматы на свалке не стреляют, одни болванки, но есть австрийские карабины и подходят к ним отечественные патроны.

– Сразу можно палить? – задрожал я от нетерпения.

– Все части там валяются отдельно, – сказал он, – а затворы реже всего попадают, поди их найди в такой куче.

– Выходит, там одни железки?

– Разные там железки, – сказал он, – а не одни. Полно там всего.

– Прямо так и полно? Подходи и бери? Набирай, сколько хочешь, и домой тащи?

– Там сторож на коне. Оружия навалом, а сторож не дает. Но его спокойненько перехитрить можно. Надоедает ему на лошади стоять, он скакать начинает. Вокруг завода скачет, чтоб не скучно. Когда он за забор повернет, тут и выбегай. Там танк есть фашистский. Машина. За танк можно спрятаться и оружие выбирать. За танком не видно. А в танке кости. Фашист в нем сгорел. Даже крест там нашли. Разные там бомбочки, мины. Вот и опасаются.

– Вечно о нас заботятся, как будто мы маленькие, – сказал я.

– Один раз мину нашли, – сказал мальчишка, – как грохнут, с сарайчика крышу сорвало.

– Только и всего?

– Столб зашатался, но устоял.

– И все?

– Тебе мало?

– Мина ведь.

– Одна ведь мина. Не тыща.

– Тоже правильно.

– Из-за мин все, – сказал мальчишка.

– А куда крыша улетела? – спросил я.

– Куда, куда... больно я знаю. А в сарайчике мотоцикл стоял. Крыши-то не стало, мотоцикл и украл.

– Ты нам свалку покажи, – сказал Вовка, – нечего нам про мотоцикл рассказывать.

– Свалка нам нужна, а не твой мотоцикл, – сказал я.

– Сами же спрашивали, да ну вас! – Он хотел убежать, второй давно смотался.

Свалку он все-таки показал, мы ему даже спасибо не сказали, со всех ног туда бросились. Неплохо бы сверху ржавое оружие разбросать и до низа добраться. Только танк не спихнуть.

Мальчишка правильно сказал: свалочка порядочная и танк – махина. Сверху на груды оружия его и свалили. Помяли карабинчики, уж точно. Сторож на коне сидит и по сторонам поглядывает.

Сторож нас поразил. Он был очень стар. Совершенно дряхлый старик. Белая борода, как у Деда Мороза, свисала на гриву лошади. Похоже, старик дремал. На голове у него была мохнатая папаха. Смешное он производил впечатление. Казалось, если лошадь шагнет, он не удержится в седле и свалится. Скакать вдоль стены вокруг завода он и не собирался. А скорей всего не мог. Мальчишка здесь явно напутал.

– Ну и дед, – сказал Вовка, – потеха!

– Дряхлый дед, – сказал я, – ну и сторож!

Колоссальная груды трофеев сверкала на осеннем солнце и притягивала, как магнит.

Мы шагнули вперед, и сторож нас заметил. Дряхлый дед поднял голову и сделал знак рукой, чтобы мы не подходили.

– Да ну его, – сказал я, – не обращай внимания. Не видишь, он просто так поставлен, как пугало огородное. Айда в обход.

Сторож засвистел в свисток, но мы внимания не обратили.

– Пусть свистит, – сказал я, – тоже мне Соловейразбойник.

Мы не останавливались, и он вторично засвистел. Вдруг хлестнул коня и ринулся на нас галопом. Мы пустились бежать, перемахнули шоссе и влетели в сарай. Смотрим из сарая на сторожа, а он гарцует к нам спиной, на дыбы поднял лошадь, ловкий старик.

– Еле-еле в седле держался, – говорю, – чуть не падал. Никак не ожидал, что припустит.

– Притворялся, – говорит Вовка. – Все сторожа притворяются, чтоб потом схватить.

– Гляди, сарайчик, – говорю, – тот самый. Крыши нет. Минный взрыв оторвал.

– Да ну тебя, – говорит Вовка, – следи за стариком.

– Старик не шелохнется, вот хитрец.

– Должен же он отлучиться куда-нибудь, предположим, воды попить, да мало ли еще куда.

Но жажда его, видно, не мучила, и он никуда не собирался.

Поклялись без оружия не возвращаться. Уважать себя не будем, если такое произойдет.

– Каким образом они мину взорвали? – спросил я, разглядывая небо над головой. – Об камень ее трахнули или по-другому? Если они ее об камень трахнули, почему же тогда крышу сорвало, а им ничего?

– Ни к чему нам крыша, – Вовка следил за стариком.

– Да я не об ней...

– Откуда я знаю, как они мину взрывали, – сказал Вовка, – сдалась мне твоя мина!

– Да дело не в мине, а как они ее взрывали.

– Взорвем с тобой любую мину, понял? Только бы фашисты появились.

– А как?

– С крыши им на головы кинем, понял?

Вдруг слышим конский топот: наш древний старик несется в клубах пыли вдоль заводского забора. Мы и ахнуть не успели, как он с другого конца выскочил, пронесся мимо свалки и опять скрылся. Носится по кругу, как в цирке, забавляется себе на здоровье. Мы этого и ждали, но сразу поняли, добежать до свалки не успеть. Маловато для этого времени: старик раньше выскочит из-за забора, чем мы до места добежим. Вокруг камни, кусты, разный хлам. Не ровная тебе дорожка, по которой шпарь без оглядки. И шоссе на пути. Вдруг – машина.

– Если мы сейчас не побежим, – сказал Вовка, – все пропало. Жди, когда он еще скакать будет.

Я не решался.

– Ну?

– Вперед!

Мы поняли друг друга. Выскочили вместе. Бежали как в атаку. Неслись во весь дух. Не споткнулись ни разу. Никогда в жизни я так не бежал; шоссе было свободно, и мы пролетели его, не заметив. Я видел совсем близко свалку, блестел карабин в этой грудке... Но уж старик несся нам навстречу на своем коне, размахивая хлыстом.

Мы бросились назад.

Старик нас догонял, и мы побежали в разные стороны.

– Старый джигит, – не обманешь, – кричал он совсем уже близко, – старый джигит сам обманет! Школ бегал, учеба бегал, держи-и-ись!!!

Шоссе мы перемахнули, дальше он нас не стал преследовать. Я обернулся: старик нам грозил хлыстом.

– Школ не ходит! – орал он. – Прогульщик ходит!

– Какое ему дело до нашей школы, – разозлился Вовка. – Кругом о нас заботятся, будто у нас своей головы нет, верно ты заметил.

– Стерег бы свое барахло, – сказал я, – а в наши дела не лез!

– Какое же это барахло, соображаешь? – возмутился Вовка.

– Ничего я уже не соображаю.

– Соображай, – сказал Вовка, – если мы соображать не будем, все провалится.

Забрались в сарай.

Джигит наш уже не скакал. Он, как вначале, стоял на месте и притворялся спящим. В этом мы теперь не сомневались.

– Эх, отличная вещь – подкоп, – замечтался я, – вылезаем мы с тобой возле самой свалки из тоннеля, отряхиваемся, забираем оружие, ползем обратно, снова отряхиваемся...

– Копать-то сколько надо, с ума сойдешь, пока докопаешься.

– Представляешь, – говорю, – мы с тобой под шоссе копаем, а наверху люди, машины едут... а мы с тобой спокойненько вылезаем под носом у джигита и отряхиваемся...

– Что это ты все отряхиваешься? Возьми да отряхнись, вон весь в земле, – говорит Вовка.

– Да это я так, просто хорошая вещь – подкоп, замечательная штука в таких случаях, только отряхиваться успевай...

– Что с тобой, – говорит Вовка, – чего это ты все отряхиваешься да отряхиваешься, неужели не надоело? Спятил, что ли?

От волнения я и вправду каждую минуту отряхивался.

– А еще, – говорю, – навести бы на сторожа луч, от которого он стал бы, как волшебник, медленно скакать вокруг завода.

– Мы сюда не мечтать пришли, а за оружием.

– Поди его достань, – говорю, – мало что пришли.

– Давай, давай, – смеется Вовка, – начни копать своей пяткой, а я тебе носом помогу.

– Нечего смеяться, раз ничего придумать не можешь.

– Будем ждать темноты.

– Много мы там в темноте увидим.

– Я слышал, с караульной вышки с завода прямо на свалку прожектор пускают. Светло как днем.

– А на караульной вышке часовой с винтовкой. И видит тебя как днем.

– Испугался?

– Не хватает, чтобы в меня свои стреляли.

– Пожалуй, верно, – согласился Вовка.

Вдруг он вскочил и заорал:

– Крыса! Смотри, большая крыса!

– Где крыса?

Вовка швырнул в угол камень, и оттуда выскочила страшная крыса и – прямо на меня. Я отпрыгнул в сторону, а крыса заметалась.

– Кидай в нее! – орал Вовка. – Хватай палку! Бей!

Крыса носилась по сараю. Дверь была приоткрыта, и она не догадывалась, куда выскочить. Вовка кинул в нее еще что-то, она рванула в сторону и пробежала мне по ноге. Я заорал и стукнул ее палкой. Промახнулся и попал себе по ноге. От боли взвыл, хромя, побежал за крысой, чтобы еще ударить ее со всей злостью, но она так же исчезла, как и появилась.

– Не видел ли, куда она прыгнула? – орал я.

– Она там! – орал Вовка. – Там!

Возможно, она выскочила в дверь, мы не заметили. Палка моя стукнулась обо что-то твердое. Я разгреб солому в углу, и то, что я увидел, заставило меня отшатнуться и закричать во всю глотку:

– Сюда!

Вовка был за сараем.

– Сюда, Вовка, сюда!

Под соломой лежали карабины и автоматы. Несколько карабинов и автоматов. Немецкие каски и пулеметная лента с гильзами.

– Скорей, скорей, – торопил я, – разгреби всю солому, ух ты, фью-тью-фить!

– Да здравствует крысеныш! – заорал Вовка, кидаясь к оружию.

– Откуда здесь все это?

– Мальчишки нанесли, бесспорно.

Карабины были без прикладов, только металлическая часть. В одном был затвор. Я щелкнул затвором, нажал курок. Есть щелчок! Просунул карабин в штанину через пояс. В другую штанину «шмайсер». Шагать тяжело, не разогнуть колен, да еще с боков руками придерживай. Спокойненько дойдем, не торопясь, никого не касается. Раздутые штанины не беда. Смотрю на Вовку – по карабину у него в штанине, «шмайсер» не взял – штаны у него узкие, не пролезает. Смешной вид, а что делать? На здешних мальчишек внимания не обращают, а в электричке, в городе, с оружием в руках – обратят.

Никогда в жизни мне так ходить не приходилось. Посмотреть на нас со стороны – в обморок упадешь. Шаг за шагом – на прямых ногах.

Мальчишки нам все же встретились.

Ватага остановилась, и один из наших знакомых спросил:

– Ну как?

– Никак, – сказали мы вместе.

– Нашли? – спросил наш знакомый.

Мы закивали головами в разные стороны.

– Прорвались? – спросил мальчишка.

– Куда?

– На свалку, куда же еще. Трудно было прорываться?

Мы опять закивали. Я сделал жалкий вид.

– Вас что, били? – спросил мальчишка. – Плеткой били?

Мы закивали головами, мол, били нас плеткой, да.

– А нас не били.

– А нас били.

– Ишь ты, а нас только гоняли.

– Кто гонял?

– Старик, кто же еще.

– Он нас тоже гонял, а потом как врежет! – сказал Вовка.

– А что у вас в штанах? – спросил один.

Врать было бесполезно. Не могли же мы сказать, что у нас в штанах ничего нет.

– Оружие, – сказал я.

– Вот это фокус, – сказал мальчишка, – оружие в штанах?

– А куда же нам его деть?

– Не в штаны же... – мальчишки задыхались от смеха.

– Не в руках же нести.

– Выходит, в штанах? – они опять захохотали.

Если бы они знали, чье это оружие, не стали бы хохотать.

– Ну, привет, – сказал я, и мы заковыляли, а они нам вслед хохотали.

– Ну и дураки, – сказал я Вовке, – над собой смеются.

Потом я повернулся и крикнул знакомому мальчишке:

– Послушай, а ты не знаешь, где достать отечественные патроны?

– Откуда я знаю, – ответил он, смеясь.

– Ладно, ладно, – сказал я Вовке, – отечественные патроны мы найдем. Они ведь наши, отечественные, из-под земли выкопаем.

– Любишь ты копать, – сказал Вовка. – Иди быстрее, как бы они в сарай не полезли.

Каждая минута дорога.

– Никакой чемпион мира не сможет быстрее, если ему в штаны палки засунуть, да это все равно что палок в колеса напихать.

– Двигай, двигай и не рассуждай; если они за нами погонятся, несдобровать.

Мы оружие наше вытащили из штанин и к электричке побежали с оружием наперевес, а возле станции обратно засунули.

В электричке сначала все спокойно шло, мы сели, ноги вытянули, согнуть-то мы их не могли.

Какой-то дядька смотрел на нас, смотрел, мы уже от него отворачивались, а он нас разглядывал, разглядывал, а потом и говорит:

– Могли бы свои ноги подогнуть.

Переглянулись с Вовкой и слегка ноги вбок подтянули – он в одну сторону, я в другую.

Дядька говорит:

– Смотрите, смотрите, издеваются, а? Над взрослым человеком издеваются. Молодчики какие. У меня двое сыновей, и за подобные шуточки я им спуска не даю. Посмотрите, граждане, они, ей-богу, норовят, чтобы мы об их ноги споткнулись.

Какая-то старушка говорит:

– У них что-то есть в ногах, мать честная.

– Чего у них там может быть в ногах? – говорит тот дядька и смотрит на наши ноги.

– Ой, честное слово, дуло какое-то, – говорит бабушка, – дуло.

Мы с Вовкой встаем, изо всех сил помогая друг другу, и выходим на площадку. Не хватает, чтобы весь вагон на нас внимание обращал.

– У них что-то в штанинах, совершенно верно, – замечает один пассажир, – смотрите, как они идут, какая у них подозрительная походка.

– Вы у них верно дуло видели? – спрашивает тот дядька. – Что за дуло?

– Ай, я не знаю, – говорит старушка, – может, мне показалось, какое мне дело. Больно мне ваше дуло нужно.

Понемногу в вагоне успокоились. Не надо нам было садиться, стояли бы на площадке, никто бы не заметил.

Сошли с электрички.

Идти дальше так невозможно. Купили сегодняшние газеты, завернули автомат и карабин. По одному карабину в штанинах оставили.

Попрощался с Вовкой.

Возле дома стоял Ливерпуль.

– Откуда плетешься? – спрашивает.

– Вы теперь без повязки ходите? – спрашиваю. – Брату моему отдали, а как дежурить ходите?

– Тьфу, – говорит, – твоя повязка, будто я без нее дежурить не могу. Без повязки я могу дежурить, а вот повязка без меня не может. Мальчонке будет радость. Отстань ты со своей повязкой.

Я уйти хотел, а он меня остановил:

– Постой, постой, чего это у тебя в штанах?

– Ничего там нет, отпустите.

– Эге... в штаны чего-то спрятал, а ну-ка, ну-ка, подойди, небось стянул чего?

Я бы от него вырвался и убежал, если бы в штанине у меня не карабин.

Он похлопал меня по ноге своей палкой и удивился:

– Чего это там у тебя звучит? Отвечай, что это у тебя в ноге звучит?

– Ничего, – говорю, – не звучит.

– А в руках у тебя покажи.

Ну и влип. Как быть? Обидно. Возле самого дома попался...

– Зайдемте, – говорю, – в парадное, здесь неудобно, чтоб другие не видели. А то скандал будет.

Пошли с ним в парадное. Я ему и сознался.

– Автомат у меня, – говорю, – в газете. Немецкий пистолет-пулемет.

Он как разозлится:

– Ты мне брось шутить! Я тебе не мальчик! Я тебе дед, а ты мне внук, да я таких внуков иметь не хочу, пошел вон! Нет, погоди, показывай!

Я развернул газеты, отошел, газеты бросил, направил на него автомат и как заору:

– Руки вверх!

– Тьфу ты! – говорит Ливерпуль и поднимает руки. – А ну, покажь!

Неужели, думаю, отнимет, попрошу, может, не отнимет, внутри ведь автомат пустой, одна болванка.

А он повертел его в руках, понюхал, вернул мне.

– Тьфу, гадость. Фашистом пахнет. Где ты его достал?

– На свалке.

– А в брюках что?

– Карабин.

– Ну и катись, – говорит, – со своим дрянным фашистским ржавым обломком на все четыре стороны.

Я поднял с полу газеты. Аккуратно свернул их. И стал подниматься по лестнице, подтягивая ногу с карабином. А он смотрел мне вслед.

– Ну и шутник, – сказал он.

– Не шутник я, дядя Ливер, – сказал я, – вот научусь стрелять, устроим мы вместе с Вовкой неприступную оборону, тогда увидите вы, дядя Ливер, как меня шутником называть.

5. Патрон

Каждый раз Вовка заходит за мной перед школой. Но сначала интересуется патронами. Поди их достань, отечественные патроны! В классе с Вовкой нас рассадили, и теперь я сижу с Толиком. Но как прозвенит звонок, мы сейчас же друг к другу и о патронах начинаем. «Вашей дружбе, – сказал учитель, – можно позавидовать, но о вашей дисциплине можно пожалеть». Пожалел бы нас Пал Палыч, достал бы нам патроны...

Опоздали с Вовкой в класс, стоим за дверью и проблему патронов обсуждаем. Фронт близко, а мы без патронов. Лучше в класс не пойдем в таком случае, мало ли может быть в военное время уважительных причин. Домой Вовке нельзя, бабушка изведет, а ко мне можно. Карабины проверим, на каски полюбуемся. Недавно их со свалки привезли, с орлами, с фашистскими знаками.

...Во дворе, на ступеньках бомбоубежища, дядя Павел играл с управдомом в шашки. Дядя Павел вернулся с войны, ходит с палкой, в военной форме без петлиц и носит желтую нашивку тяжелого ранения. Никто с нашей улицы не возвратился еще с войны и не носил такой нашивки. До войны он возил хлеб с пекарни. Мы бежали гурьбой за его фургоном и цеплялись сзади. Фургон останавливался у магазина, и мальчишки разбежались в разные стороны. От горячего хлеба шел пар, и он вкусно пахнул. Сейчас Павел был инвалид. До сих пор мне не приходило в голову спросить у него патроны. Неужели он с фронта не привез ни одного патрончика? Но как спросить? Управдома куда-то позвали, и я заменил его. Дядя Павел расставил шашки.

– Сознайтесь, – сказал он вдруг, подняв голову и разглядывая нас, – вы ко мне цеплялись на фургон?

– Цеплялись, – сознались мы, – да когда это было.

Он даже обрадовался, что мы к нему до войны на фургон цеплялись.

– Не гнал я вас, ребята, верно?

– Когда гнали, а когда и нет.

– Очень редко гнал, – задумался, как будто это сейчас значение имело.

– Вообще-то редко, – говорим.

Он оживился:

– Катались на моей лошадке, будь здоров.

– А нас за фургоном и не видно было, – говорю, – вы и гнать-то не могли.

– Так что же вы думаете, я вас не чувствовал? Я вас прекрасно чувствовал. Эх, если бы сейчас я на фургоне ездил, не гнал бы вас совсем, ребята... Катались бы, сколько вашей душе угодно.

– Да мы на вас не обижаемся, – сказал Вовка.

– Да мы и забыли, – сказал я.

– Но я-то не забыл. – Он долго хвалил свою лошадь, расписывал ее достоинства, извинялся перед нами, что не давал нам кататься, не мог отделаться от воспоминаний.

Я думал о патронах.

– Играть-то будешь? – спросил Павел.

– Не, – сказал я.

– Чего ж садился?

– Патроны хотел у вас спросить.

– С ума вы посходили, – сказал он, – какой раз спрашивают у меня патроны!

– Мы первый раз у вас спрашиваем.

– Просили вроде вас.

– Нет, нет, мы не просили.

Он вздохнул.

– Полюбуйтесь, что сделали со мной патроны. Малейшей тряски не могу переносить по булыжной мостовой, прощай, моя лошадка...

– Так это же немецкие, – сказал я. – Фашистские патроны нам не нужны, правда, Вовка?

– Нам нужны отечественные, – сказал Вовка.

Он качал головой и собирал шашки.

Вовка тянул меня за рукав, и мы с Павлом попрощались.

– Зря у него спрашивали, – сказал Вовка.

– У всех надо спрашивать, – сказал я. – У всех подряд. Иначе наше оружие заржавеет.

Отечественные патроны мы из-под земли выкопаем.

– Пуля – дура! – сказал мне вслед Павел. – Погибнешь без войны от своих патронов.

– Не бойтесь, не погибну! – отвечал я, поднимаясь по лестнице.

Дома вытащили карабин, каски в ряд расставили, пощелкали затвором, эх, нам бы патроны!

Я вынул звездочку из бархатной коробки, и Вовка не мог поверить, что я ее сам сделал.

– Приедет с войны мой папа, – сказал я мечтательно, – снимет свою гимнастерку и повесит на стул. А я незаметно приколю ему звездочку. Станет он надевать гимнастерку, увидит звездочку и глазам своим не поверит...

– А у моего отца два ордена Красного Знамени, – сказал Вовка, – мой папа летчик.

Я знал, что отец его летчик, но про ордена не слышал.

– Редкий у тебя папаша, – позавидовал я.

– Он еще получит, – сказал Вовка. – Он только начал самолеты сбивать. Ему сейчас новую машину дали. А та у него старая была, вся в дырках. Папаню в ней поранило, но все равно машину посадил. Мой папа Героя Советского Союза тоже получит. Раз у него новая машина. – Поразительно он верил в своего отца. Как бы угадывая мои мысли, он сказал: – А если его собьют случайно, он на парашюте спустится. Он может лететь, лететь, а парашют не раскрывать. Перед самой землей раскрыть. Знаешь, как этот прыжок называется? Затяжной называется.

– А мой папа капитан, – сказал я и спрятал звездочку.

– А мой папа старший лейтенант.

Старший лейтенант, а два ордена Красного Знамени. Но зато капитан...

Зазвонил телефон.

– Есть патрон! – шептал в трубку Толик. – Новый патрон!

– Откуда?

– Потом объясню.

– Жми сюда! Сразу! Мы ждем!

– Куда?

– Ты куда звонишь?

– Аа-а... Понял.

Не очень-то сообразительный, звонит сюда, а куда идти – не знает. Посадили его со мной за парту вместо Вовки, а он нам патрон достал, замечательно получается! Откуда он его достал? Я же говорил, у каждого надо спрашивать.

Примчался Толик, красный, запыхался. Папаша у него раньше сторожем работал. На каком-то складе. Сейчас он на войне. Винтовку он сдал, конечно, а патрон в ящике остался. Открыл Толик ящик случайно, а там патрончик валяется.

– А что вы мне взамен дадите? – спрашивает Толик.

– Каску, – говорю. – Немецкую каску с фашистским знаком. Вещь стоящая, наденешь на голову – настоящий фриц. Поглядишь в зеркало – себя ни за что не узнаешь. Вылитый фашист. Точь-в-точь. Редкая вещь.

– На кой нужна мне ваша каска, – обиделся Толик, – зачем мне ее на голову надевать?
– Вещь-то стоящая, согласись. Только в школьном музее и есть, а у тебя своя собственная. Может, тебе еще рубашку в придачу дать? Могу повязку дежурного предложить. Ходи, где хочешь, во время тревоги, загоняй всех в бомбоубежище, на!

– Не надо мне ничего, – сказал Толик и вынул патрон из кармана.

– Друг ты наш, Толик, бесценный друг, выручил ты нас, Толик!

– На испытания оставайся, – сказал Вовка, – официально оставайся, а хочешь – неофициально, как тебе удобней.

– Да мне все равно, – сказал Толик.

– Как почетный гость оставайся, пальнуть дадим, можешь не беспокоиться. Папаше твоему салют устроим. Молодец он, патрон оставил. Ржавело бы наше оружие до лучших времен, если б не твой папаша. Сначала испытание устроим, а потом фрицам праздничек устроим. Из их же оружия, представляешь, нашим патроном праздничек устроим!

Толик крутил головой во все стороны.

– Неужели вы серьезно здесь стрелять собрались? Не в каждой квартире стреляют...

– А у меня стреляют, – сказал я гордо.

– Пригласили тебя на испытание, помалкивай, – сказал Вовка, – человек свою квартиру не жалеет, в стрельбище превращает, а ты еще не доволен.

– Очень доволен, но моя мама стрельбу в квартире ни за что бы не разрешила.

– Опять ты нас учишь? А его мама разрешает.

– Во какая мама! – восхитился Толик. – А соседи переполох не устроят?

– Всего один выстрел, опомниться не успеют, не собираемся же мы палить до утра.

– А мне пальнуть дадите?

– Дадим ему, Вовка?

– Дадим, – сказал Вовка.

– Дадим, – сказал я.

– Не опасно? – спросил Толик, разглядывая карабин.

– Да не бойся ты, гляди! – я отвел затвор и вложил патрон в патронник. – Видал? – щелкнул затвором. – Ну? Только нажать. И – огонь! Все нормально. Не дрейфь.

– Как же его в руках держать? – сказал Толик. – Приклада нет. Вдруг в руках разорвет? Дал я вам патрон, сами и стреляйте, шутники нашлись.

– Он дело говорит, – сказал я, – откуда мы знаем, разорвет или не разорвет?

– По-моему, не разорвет, – сказал Вовка.

– А если разорвет?

– Ну, тогда... – сказал Вовка, – тогда разорвет.

– Мудрый у нас Вовка, – сказал я, – все рассудил.

– У меня есть идея, – сказал Толик. – Давайте карабин укрепим на стуле. К спусковому крючку веревочку привяжем. А дергать будем все вместе, на расстоянии.

Верно ведь сообразил. Дернем за веревочку – не разорвет, можно в будущем без веревочек.

Друг-то наш соображает, а мы его ругаем.

– Сорвите с балкона бельевую веревку, – командовал я, – и привяжите карабин к стулу, чтобы не шатался. Тащите ящик с кошачьим песком, а теперь прижмите карабин ящиком. Укрепляйте карабин, не спешите, времени у нас хватает. Готовьтесь к бою. Утюг возьмите, придавите тумбочкой. Двигайте сундук, кладите сверху побольше. Эх, и расколотим мы эти проклятые каски в пух и прах!

Каски установили на чемоданах.

– А если пуля срикошетит? – заволновался Толик.

– Дадим тебе самый конец веревки, – сказал Вовка, – стой на улице и дергай. Только следи, чтобы прохожие ногами не наступали.

– Неужели вы всерьез думаете, что каски пробить можно? Зачем же каски надевают в таком случае?

– Дураки, поэтому и надевают, – сказал Вовка, – видел каски в школьном музее – все с дырками.

– В музее осколками пробиты, – сказал Толик, – неужели не заметили?

– Спорим, каска не выдержит! – доказывал Толик.

– Ладно, хватит, – сказал я, – посмотрим, выдержит или не выдержит.

– Я все-таки за дверь выйду, – сказал Толик, – на всякий случай из коридора буду дергать.

– Залезь в шкаф и оттуда дергай, – сказал Вовка.

– Ничего себе команда собралась, – сказал я, – три мушкетера, один в шкаф, а другой куда? Вместе будем дергать. Тоже мне артиллеристы, противно смотреть на такую команду!

– Во-первых, я никуда не собираюсь... – обиделся Вовка.

– Вот и хорошо, что не собираешься! Огонь по Берлину!

Мы дернули. Выстрел не вышел.

Я заорал:

– Одна у нас дорога – на Берлин! Идут в атаку танки! Подпустить их! Пусть еще подойдут! Идут танки! Вы поняли? Танки идут!!!

– Да поняли мы, – сказал Толик, – ну, танки, ну и что?

– ...колонны машин приближаются! Так... так... придвигаются... давайте, давайте... ближе, гады... еще... так, еще...

– Скоро они, наконец, придвинутся? – спросил Вовка. – Лично я целюсь в самолет, который пикирует на отца.

– Пока не стрелять! – орал я.

– Мы пришли сюда стрелять! – торопился Вовка. Возможно, самолет уже пикировал на его отца, но танки еще не совсем подошли.

– Спокойненько...

– Чего спокойненько? – не выдерживал Вовка. – Давай дергать!

– Спокойненько, фашисты придвигаются, ползут! – каски я принимал за танки, входя в раж все больше и больше. – Подпускайте их ближе!

– Давно уже подпустили, – сказал Толик.

– Не бойтесь! Пусть идут! Пусть, пусть они идут! – я прыгал и орал.

– Пусть они идут, а мы в таком случае пойдем домой, – сказал Толик.

– Стоять на месте! – надрывался я. – Ни в коем случае не отступать!

– Никто и не думает отступать, – сказал Вовка, – хватит тебе кривляться.

– Огонь! – крикнул я, и мы задергали за свою веревочку, но выстрела опять не получилось.

Мы дергали и дергали.

– Танки горят! – вопил я. – Колонна остановилась!

– Чего это они у тебя горят, если выстрела не было? – сказал Толик.

– Горит колонна! – Нисколько я его не слушал, колонна сейчас горела, фашистская колонна пылала, вот что было важно! Должна же она в конце концов гореть.

Толик щупал каски, повторяя, что это не танки. Вовка уверял, что сбил самолет, каждый нес свое и размахивал руками; шуму больше, чем на войне.

– За сбитый стервятник, – сказал я, – за спасение своего отца... – и повесил на грудь Вовке геройскую звездочку.

Он походил по комнате со звездой Героя, такой молодой и прославленный, звездочка покачивалась и поблескивала, а он вышагивал довольный, гордый, будто и в самом деле Герой.

– Теперь мне, – сказал я.

Награждались по очереди, ведь звездочка была одна. И Вовка снял нехотя свою награду за подбитый самолет и повесил мне за разгром танковой колонны.

– А мне? – спросил Толик.

– А тебе за что? – сказал Вовка.

– Дергал с вами вместе, значит, и мне полагается.

– Куда же ты стрелял?

– По каскам.

– Он стрелял по каскам! – засмеялся Вовка. – И за это ему полагается звездочка? Да кто же получает такую награду за стрельбу по каскам, ты в своем уме?

– А вы куда стреляли? – разволновался Толик. – Не по каскам?

– В самолет я стрелял, в «мессершмитт»! Сбил его. А он танки подбил. Петя подбил танковую колонну, пока ты каски колошматил.

– Несправедливо поступаете! – взвыл Толик. – Вместе мы дергали, не выдумывайте чего не было!

– Ну, сколько ты фрицев уничтожил? – подсказывал я. – Ты бил по пехоте? Ведь верно, ты бил по пехоте?

– По каскам, а не по пехоте, – тарачил глаза Толик.

– Ну и ничего тебе не полагается, – сказал Вовка. – Неужели ты не можешь сказать, что бил по пехоте? Как же мы тебя награждать можем, если ты такое заявляешь. Да за это тебя надо с войны выгнать, раз ты по каскам шпаришь, а не по фрицам.

Но Толик тарачил глаза и не понимал. Не мог он понять, бедный Толик, что не имеем мы морального права награждать его таким званием за стрельбу по каскам.

– Сговорились и выдумали каких-то фрицев, – обиделся он.

– И ты выдумай, – обрадовался я, решив, что теперь-то он понял, в чем дело.

– Выдумывайте сами, – сказал он обиженно.

– Пальнем-ка еще, – предложил я.

– Я не хочу, – сказал Толик.

– Вот за это мы тебя не любим, – сказал Вовка, – вечно увиливаешь, какой ты Герой.

– А если буду – наградите?

– Торгуется, как на базаре, – сказал Вовка, – да ну его. Герои не ради наград совершают свои подвиги, пора бы знать.

– Я вам патрон дал, а вы...

– Где это слыхано, чтобы за патрон званием Героя награждали?

Он вдруг надулся, стал красный.

– И не надо! Все у вас ненастоящее, и звездочка у вас ненастоящая, а у меня патрон настоящий!

– Ты звездочку не тронь, – сказал я. – Не наша это звездочка. Ничья. Не Вовкина и не моя.

– Чья же это звездочка? – тарачил глаза Толик.

– Не твоего ума дело, – сказал я и спрятал звездочку в коробку.

– Вот народ, ну и народ! – замахал Толик руками. – С таким народом лучше не связываться.

– Мы народ отчаянный, – сказал я, – с нами лучше не связываться.

– Ну и оставайтесь, – обиделся Толик, собираясь уходить.

– А патрон-то остался? – крикнул я, и Толик тоже остался.

Я вынул патрон из карабина, но Вовка у меня его выхватил.

– Тяжеленький... – сказал он, подбрасывая патрон на ладони.

– А вдруг он холостой, – сказал я, – мало ли что тяжеленький. Может, он учебный или еще какой.

Попробовали вытащить пулю, но нам не удавалось.

– Минуточку, – сказал я, – давайте-ка его сюда. Мы его сейчас проверим.

– Ты куда? – крикнул Вовка. Но я уже был в кухне. Положил патрон на железную подставку. Зажег газ. Ничего с ним не случилось. Лежал себе и грелся, и я перевернул его, чтоб он погрелся с другой стороны, а острие пули направил на чайник. Пусть в чайник, не в меня.

Сел на стул возле плиты.

– Чего ты там делаешь? – закричал Вовка.

Я смотрел на патрон. Ничего я не делаю, сами-то они чего там делают. Подсунул нам Толик холостой патрон, без всякого сомнения. Не может боевой патрон так спокойно на подставке жариться.

Звал меня Вовка. Они там чему-то смеялись, а я смотрел на патрон.

Как вдруг дверь стала медленно открываться, от ветра что ли, и я бросился ее закрыть.

Вошел Павел. В это время раздался грохот, а потом звон в ушах, и будто зазвенели вдалеке колокольчики. Настоящий взрыв!

Влетели Вовка с Толиком, Павла даже не заметили.

– Бабахнуло... – сказал я.

Они бросились осматривать стены. На железной подставке порядочная вмятина. Стены в дырках – гильза в куски разорвана. Кругом осколки гильзы.

– А где пуля? Куда пуля делась? – орал Вовка, ползая по полу.

– Не знаю, – сказал я. Колокольчики все еще звенели у меня в ушах.

– Не в тебе ли она сидит? – сказал Павел, и ребята стали меня щупать, осматривать.

Я так перепугался, что слова сказать не мог.

– Но где же она, где?

– Посмотрите в чайнике, – наконец сказал я, – нет ли ее в чайнике?

– В чайнике нет.

– И дырки нету в чайнике?

Толик с Вовкой повертели его, осмотрели, пощупали – дырки нет, пули тоже нет.
– Может быть, она во мне? – сказал Павел.
Мы с ужасом смотрели на него. Вдруг он убит... Упадет и умрет...
Мы кинулись к нему, но Павел отстранил нас.

– Патроны еще есть? Чувствовал – неладное затеяли, да так оно и вышло... – и стал осматривать квартиру.

Патронов у нас больше не было, и мы ему об этом сказали.

Мы двинулись за ним.

Павел вытащил затвор из карабина, положил в карман. Надел нам на головы каски. Каска съехала мне на глаза, но я не шелохнулся, и ребята застыли, стояла мертвая тишина. Он постучал по каскам на наших головах – головы глухо зазвенели – и своей хромающей походкой пошел от нас прочь с нашим затвором, не хотел он больше с нами говорить.

Я поплелся за ним, а он даже не повернулся.

– Все равно, если сунутся немцы, встретим их шквальным огнем! – заорал я в отчаянии, поняв, что нам уже не вернуть затвор, и не совсем понимая, каким образом откроем мы шквальный огонь. – В крайнем случае, подложим под дом мину и взорвемся вместе с врагами!

В страхе попятились от двери старушки Добрушкины, как будто вот-вот должен произойти взрыв. Им-то что здесь надо?

Дверь так и осталась открытой, скрипела на ветру, – никто из нас не закрыл ее.

– Что он мелет?! – закричали старушки. – Он хочет нас взорвать! Держите его и не отпускайте ни в коем случае!

– Пока все обошлось, – успокоил их Павел.

– Но когда нас взорвут, будет поздно! – сказали старушки.

– Здорово ты был бледный, когда мы вбежали, – сказал Вовка, когда старушки ушли.

– Внезапно бахнул, – сказал я, – от внезапности.

– Но где же пуля?

– Нет, нет, во мне ее нет... – пятился я.

– Интересно, – сказал Вовка.

Мы пересмотрели в кухне все углы, исследовали и передвинули в кухне все, что было возможно, порылись в мусорном ведре, но пули нигде не было.

– Давайте-ка все отсюда, – сказал я ребятам. Они чуть в касках не ушли, до того разволновались. И я каску не снял. Мы вместе вдруг о касках вспомнили и сняли их почти одновременно.

– Сам звал, а сам гонишь, – обиделись ребята.

– Звал, звал... ну и звал... скоро мама придет...

– Испортил всю квартиру, мама тебе покажет! – сказал Толик.

Я толкал их к двери, а они упирались.

Грозили нам костлявыми длинными пальцами старушки Добрушкины, заслонив проход на лестнице и не давая пройти Мирзоян. Выскочили братья Измайловы из своей квартиры.

– Уйдем-ка отсюда поскорей, – сказал Толик, – человека, раненного на войне, чуть не убили, это же страшно подумать!

– Твоим настоящим патроном! – подначил его Вовка.

– Да если бы я знал, – сказал Толик, – никогда бы... в жизни никогда бы таким дуракам патрон не принес.

Он с силой захлопнул дверь. Оставшись один, я ощупал себя всего и долго вертелся перед зеркалом, вспоминая слова Павла «пуля дура».

Я вспомнил про газеты...

...В газетах сообщалось, что немцев остановили под Моздоком, а это значит: не придется мне теперь ложиться у порога с карабином, не появятся фашисты в нашем городе, не удастся мне с врагом сразиться...

6. Огонь!

– Уроки приготовлены? – спросил нас Павел. – Если у вас уроки приготовлены, прошу за мной!

Не собирается ли он нам вернуть затвор?

... Сначала мы ехали на трамвае и не знали, куда едем.

Потом шли немного пешком и до самого последнего момента не знали, куда идем.

Ему трудно было шагать, и мы его взяли под руки и без конца спрашивали, а он молчал. С одной ногой вышагивать по кочкам – нешуточное дело, мы готовы были его на руках нести, если бы он только согласился.

Раз он нас ведет, значит, нужно идти за ним без всяких рассуждений. Таким загадочным мы его еще никогда не видели.

– Ну вот и пришли, – сказал он, хотя мы и сейчас не понимали, где находимся. Кругом поле. Какая-то вышка. Сарайчик. Выходит из сарайчика одноглазый дядька, и они с Павлом обнимаются, как старые друзья.

– Ребята еще не знают, куда попали, – говорит ему Павел.

– А попали вы, ребята, на самое настоящее стрельбище, – говорит дядька. – Хотите пострелять?

От удивления мы с Вовкой даже на месте закружились, но ничего особенного не заметили.

– А где винтовки? – спросил Вовка с недоверием.

– Займись сам с ними, Павел, – сказал одноглазый.

Павел вынес из сарайчика малокалиберки, и мы сразу потянулись к винтовкам, но он нас отстранил.

– Начнем с материальной части, – сказал Павел.

– А что это такое? – спросил Вовка.

– Начиная с материальной части, – сказал Павел, – мы узнаем, как устроена винтовка, как из нее целиться и стрелять.

Мы давно хотели стрелять, но материальная часть еще только начиналась.

– Это ствол, – объяснил Павел, – а вовсе не дуло, как некоторые думают.

И я думал – дуло.

– ... а это ложе.

Я думал – приклад.

– Войдем теперь в сарайчик, – сказал Павел.

Неужели стрелять в сарайчике?

– Протрем теперь затворы, – сказал Павел, – чтобы не было осечки.

Далеко до стрельбы, думал я.

– А теперь на линию огня, – сказал Павел.

Мы поплелись на линию огня.

– Лежа с упором, для начала, – сказал Павел. – Ложись, ребята, нечего стесняться. – И он показал, что значит лежа с упором.

– Заряжай, – сказал Павел и показал, как заряжать.

Мы зарядили.

– Не дышать, – сказал Павел и засмеялся.

Мы и так не дышали.

– Не моргай, – сказал мне Павел, – какой ты глаз закрыл?

– А какой надо закрыть?

– Левый, – сказал Павел.

- А он у меня не закрывается.
- Вот те на! – сказал Павел. – Как же так?
- У меня оба глаза сразу закрываются, – сказал я.
- Так нельзя, – сказал он, – что же это такое?!
- Я только пальцем могу его закрыть, – сказал я.
- Палец должен быть на спусковом крючке, – сказал Павел.
- Попробую без пальца, – сказал я, – немножечко выходит...
- Старайся, старайся, – сказал Павел. – Выйдет. В таком деле не надо спешить.
- В каком деле? – спросил Вовка.
- Огонь! – сказал Павел.

Рядом палили из боевых винтовок, и я косился в их сторону. Левый глаз никак не закрывался, хотелось нажать на него пальцем, и я, не целясь, выстрелил.

Зарядили по второму разу, и опять непослушный глаз не закрывался.

– Огонь!

И опять я беспорядочно пальнул.

В третий раз закрылся правый глаз – и то уже достижение.

– Это вам не дергать за веревочки, – сказал Павел. – Встать!

Спустили с вышки флаг, и все пошли к мишеням. Да стоило ли ходить, и так все ясно. Какая-то надежда все-таки имелаась, и мы бесполезно, долго наши мишени рассматривали.

– Все мимо, – сказал Павел, – в молочко.

– Куда? – не понял я.

– Намарал, – сказал Павел.

– И я намарал, – сказал Вовка, глупо улыбаясь.

– Оба намарали, – улыбнулся я так же глупо.

– Пора и домой, – зевнул Вовка.

С такими результатами стыдно домой возвращаться.

Но сколько бы сейчас мы ни стреляли, ничего ведь не изменится.

Для начала бы глаз закрывать научиться...

– А сейчас, ребята, – сказал Павел, – следует наше оружие смазать.

Когда
война-метелица
Придет опять,
– Должны уметь мы целиться,
уметь стрелять, —

прочел я на плакате в сарайчике.

– До стрельбы нам пока рановато, – сказал Павел, – в дальнейшем займемся теорией, сами сделаем станок, я готов с вами повозиться.

– А сюда придем? – спросил я.

– Непременно придем.

Возьмем винтовки новые.
На штык флажки. И с песнею
в стрелковые
Пойдем кружки! —

вспомнил я следующие строчки.

Обратно шли молча.

И ехали молча.

Так долго добирались и промахнулись.

Старались, целились, стреляли и... намарали...

7. Поручение

– Ты мне страшно нужен, – сказал мне управдом во дворе.

Никогда я ему не был нужен и вдруг нужен.

– Я тебя знаю, и ты меня знаешь, – сказал он, – достаточно ли мы друг друга за войну узнали?

– Достаточно, – сказал я.

– Безобразия твои не в счет, не стоит вспоминать.

– Какие безобразия?

– Не стоит вспоминать.

– Не стоит так не стоит, тогда и говорить об этом не стоит.

– У меня к тебе поручение, – сказал он.

– Какое?

– Покрасить чердак.

Я думал, он шутит. Кому сейчас надо чердак красить, красоту там наводить.

– Очень нужно, – сказал он. – Особая противопожарная краска с известью имеется, два ведра достал.

– Внутри красить или снаружи?

– Конечно, внутри, а не крышу. Смотри, крышу мне не покрась.

– А я и не собираюсь красить, – сказал я.

– Два ведра краски достал, – сказал он.

– Ну и что?

– А красить некому.

– А кисть есть?

– Все есть. Рабочих рук нет. Сам бы красил, да времени нет. То сюда, то туда – целый день.

– Не беспокойтесь, крышу не покрашу, – согласился я.

– Чтобы известь в глаза не попала, смотри.

– Не беспокойтесь, не попадет.

– Нужно срочно, – сказал он, – таков приказ.

– Сейчас и начну.

– А потом доложи.

Я покрасил, ему доложил. Он проверил, похвалил и говорит:

– Есть еще один чердак, в другом доме, как ты на это смотришь?

– Нормально, – говорю, – а краска есть?

– Два ведра достал, – говорит, – не согласишься ли покрасить?

Я согласился.

– Потом доложишь, – говорит.

Покрасил я второй чердак и ему докладываю.

– Ты меня извини, – говорит, – но есть еще чердак. Два ведра еще есть. Нет рабочих. Как смотришь?

– Мне интересно, почему вы меня все время посылаете, а не других ребят?

– Нас-то двое, – говорит.

– Кого нас?

– Ты да я.

- Ребят-то полно во дворе.
- Попробуй собери их.
- Собрать-то их нечего, раз они сами во дворе собираются.
- Да ну их, одни малыши.
- Да ну их, – согласился я, – ведь это мое поручение.
- Неужели так красить понравилось?
- Кому это может понравиться, сами посудите. Но если я выполняю поручение, должен же я его до конца выполнить.
- Один чердак остался в моем хозяйстве, – сказал управдом, – на завтра отнесем.
- А вдруг ночью налет? Останется этот чердак непокрашенным.
- Я вышагивал с кистью к своему последнему чердаку и наткнулся на братьев Измайловых.
- Даю вам поручение, – решил я сплавить им чердак, а самый старший, Рамис, сказал:
  - Какое еще поручение?
  - Вы даже не знаете, какое поручение, – сказал я.
  - А мы и знать не хотим, – сказал Рамис.
  - Ну и оставайтесь.
  - А ты куда? – спросили Измайловы.
  - А я поручение выполняю.
  - И я хочу поручение, – сказал младший, Рафис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.